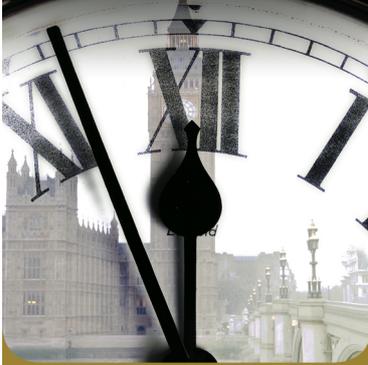

Agatha Christie

АГАТА КРИСТИ

Тайна замка Чимниз

EКСМО

Агата Кристи
Тайна замка Чимниз
Серия «Суперинтендант Баттл», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122030
Тайна замка Чимниз: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32698-3*

Аннотация

Суперинтендант – звание в британской полиции, примерно соответствующее армейскому майору. Одним из любимых героев Агаты Кристи является суперинтендант Баттл, специализирующийся на щепетильных криминальных делах, чреватых серьезными политическими последствиями. В этой книге ему предстоит разоблачить тайную организацию «Братство Красной Руки».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Агата Кристи

Тайна замка Чимниз

Глава 1

Энтони Кейд нанимается на работу

- Джентльмен Джо!
- Никак старина Джимми Макграт!

Группа туристов, семь скупающих дам и трое вспотевших мужчин, с нескрываемым интересом смотрели на эту встречу. Очевидно, их мистер Кейд встретил старого друга. Они все так восхищались мистером Кейдом, его высокой, стройной фигурой, загорелым лицом, умением легко улаживать споры и поддерживать в группе дружелюбное настроение. Друг его тоже отличался необычной внешностью. Он был одним из тех персонажей, что кочует из книги в книгу, и очень подходил под описание хозяина салуна. Туристам уже порядком осточертел Булавайо. Отель плохонький; смотреть было не на что. Разве что предстоящая экскурсия в Матоппос предвещала что-то новенькое, да еще мистер Кейд предложил великое множество открыток с видами достопримечательностей.

Энтони Кейд с другом отошли в сторонку.

– Что ты делаешь с такой толпой женщин? – спросил Макграт. – Завел гарем?

– С этими дамами? – усмехнулся Кейд. – Ты хорошо разглядел их?

– Хорошо. И решил, что у тебя проблемы со зрением!

– Со зрением у меня все в порядке. Нет, это туристы из «Касл силект тур», а я служу там сопровождающим.

– За каким чертом тебе это понадобилось?

– Как это ни печально, нужда в наличных! Уверяю тебя, мне это вовсе не по душе!

Джимми Макграт усмехнулся:

– А постоянную работу ты, конечно, не искал?

Энтони проигнорировал язвительный вопрос друга.

– Здесь, наверное, скоро что-то произойдет, – с надеждой заметил он. – Здесь ведь всегда что-нибудь происходит!

Джимми засмеялся:

– Если заварится какая-нибудь каша, Энтони Кейд рано или поздно обязательно в нее ввяжется! Уж я-то это знаю! У тебя безошибочное чутье на всяческие конфликтные ситуации и девять жизней, как у кошки! Когда мы сможем свободно поболтать?

Энтони вздохнул:

– Я должен отвезти этих куриц на могилу Родса.

– Это то, что надо! – обрадовался Джимми. – Они собьют себе ноги на этой дорожке и сразу завалятся по постелям. Тут мы с тобой и обменяемся новостями!

– Прекрасно! До встречи!

Энтони вернулся к своей пастве. Мисс Тэйлор, самая молодая и кокетливая из всех дам в группе, тотчас же прилипла к нему с вопросами:

– О, мистер Кейд, это был ваш старый друг?

– Да, мисс Тэйлор. Один из друзей моей безупречной юности.

Мисс Тэйлор недоверчиво хмыкнула:

– По-моему, он очень интересный молодой человек!

– Я передам ему ваши слова!

– О, мистер Кейд, можно ли быть таким фривольным! Как вам могло такое прийти в голову? А как он назвал вас? Джентльмен Джо?

– Да.

– А разве вас зовут Джо?

– Мне кажется, вы прекрасно знаете, что меня зовут Энтони, мисс Тэйлор!

– Да ладно вам! – кокетливо хихикнула мисс Тэйлор.

Энтони уже хорошо освоился со своими обязанностями. Кроме организации экскурсий, ему надлежало успокаивать раздражительных старых джентльменов, если что-то задевало их достоинство, заботиться о том, чтобы все пожилые дамы успели приобрести почтовые открытки с видами и покочетничать со всеми, кто моложе сорока. Последняя задача облегчалась тем, что эти дамы были готовы уловить нежные намеки даже в самых невинных замечаниях!

Мисс Тэйлор возобновила атаку:

– Тогда почему он назвал вас Джо?

– Просто потому, что это не мое имя!

– А почему джентльменом Джо?

– По той же причине!

– Ах, мистер Кейд, – возразила расстроенная мисс Тэйлор, – зачем вам такие отговорки? Папа только вчера говорил, какие у вас изысканные манеры!

– Это очень мило со стороны вашего папы, мисс Тэйлор!

– И мы все считаем, что вы настоящий джентльмен!

– Я счастлив!

– Нет, это чистейшая правда!

– Добрые сердца дороже венца, – уклончиво ответил Энтони, оставляя собеседнице самой догадаться о смысле сказанного; он уже с нетерпением ожидал время ленча.

– По-моему, прекрасное стихотворение! Вы разбираетесь в поэзии, мистер Кейд?

– Я мог бы декламировать кусочек из «На палубе в огне один»: «На палубе в огне один, а прочих в море смыло». Это все, что я помню. Но я могу сыграть вам этот отрывок. «На палубе в огне один – пых, пых, пых! – это бушует пламя! – а прочих в море смыло», – и тут я начинаю бегать взад-вперед, как собака!

Мисс Тэйлор громко рассмеялась:

– Нет, вы только посмотрите на мистера Кейда! Как забавно!

– Пора пить чай, – заметил Кейд. – Сюда, пожалуйста! На соседней улице есть превосходное кафе!

– Надеюсь, – низким голосом спросила миссис Кэлдикотт, – утренний чай входит в стоимость тура?

– Утренний чай, миссис Кэлдикотт, – профессионально произнес Энтони, – оплачивается дополнительно.

– Позор!

– Жизнь полна неожиданностей, не так ли? – весело заметил Энтони.

Глаза миссис Кэлдикотт сверкнули, и она с негодованием ответила:

– Я так и предполагала! Поэтому за завтраком отлила немного чая во флягу. Теперь его можно разогреть на спиртовке. Идем, папочка!

Мистер и миссис Кэлдикотт торжествующе направились к отелю. Леди явно гордилась своей предусмотрительностью.

– О господи, – пробормотал Энтони, – сколько же чудачков носит земля!

Он повел остальных туристов в кафе. Мисс Тэйлор пристроилась рядом с ним и снова засыпала его вопросами:

– Вы давно не виделись с вашим другом?

- Больше семи лет.
 - Вы познакомились с ним в Африке?
 - Да, но в другой части. Когда я впервые увидел Джимми Макграта, из него собирались сварить суп! В центральной части Африки, знаете ли, живут племена каннибалов. Мы подоспели как раз вовремя.
 - И что же произошло?
 - Была небольшая потасовка. Некоторых из этих бродяг мы бросили в котел, а остальных взяли в плен.
 - Ах, мистер Кейд, какая у вас, наверное, была насыщенная жизнь!
 - Уверю вас, очень спокойная!
- Но леди, очевидно, ему не поверила.

Часов в десять вечера Энтони Кейд вошел в маленькую комнатку, где Джимми Макграт колдовал над батареей бутылок.

- Сделай покрепче, Джеймс! – взмолился он. – Иначе я сейчас умру!
 - Могу себе представить, мой мальчик! Я бы ни за что не пошел на такую работу!
 - Предложи мне другую, я не откажусь!
- Макграт перелил свою порцию в стакан и начал готовить смесь для Энтони. Взбивая коктейль, он задумчиво проговорил:
- Ты это серьезно, старина?
 - О чем?
 - О том, чтобы послать к черту эту работу, если подвернется другая?
 - А что? Ты хочешь сказать, что у тебя на примете есть для меня работа? Что же ты сам за нее не хватаешься?
 - Я бы схватился, да ума не хватает! Поэтому и хочу сплавить ее тебе.
- Энтони насторожился:
- А чем же она плоха? Уж не преподавать ли в воскресной школе?
 - Ты думаешь, кто-то решился бы пригласить меня преподавать в воскресной школе?
 - Тот, кто тебя хорошо знает, не пригласил бы!
 - Предлагаю отличную работу, и ничего плохого в ней нет!
 - Случайно не в Южной Америке? Я давненько приглядываюсь к ней. В одной из маленьких республик Южной Америки скоро произойдет тихая, маленькая революция!
- Макграт усмехнулся:
- Тебе бы только втянуться в какую-нибудь революцию, ты всегда любил их!
 - Я чувствую, что там мои таланты будут востребованы! Так или иначе я могу пригодиться революции. Это лучше, чем тянуть здесь лямку за кусок хлеба!
 - Я и раньше слышал твои измышления, сынок! Нет, эта работа не в Южной Америке. Это в Англии.
 - В Англии? Вернуться после долгого отсутствия в родные края героем? А не потребуют ли с меня оплаты счетов за семь лет, Джимми?
 - Не думаю. Ну, так как, хочешь узнать о работе подробнее?
 - Конечно, только меня настораживает, почему ты сам за нее не берешься.
 - Я тебе отвечу. Я отправляюсь за золотом, далеко, в центральную часть страны!
- Энтони присвистнул и посмотрел на друга:
- Ты всегда был одержим золотом, сколько я тебя знаю! Это твое слабое место, маленькое хобби! Никто не затевал столько авантюры, как ты!
 - И в конце концов оно будет моим! Вот увидишь!
 - Ладно, у каждого свое хобби. У меня заварушки, у тебя золото!

– Я расскажу тебе с самого начала. Ты, наверное, имеешь представление о Герцословакии?

Энтони резко вскинул голову.

– Герцословакии? – с любопытством переспросил он.

– Да. Что ты о ней знаешь?

После значительной паузы Энтони ответил:

– Только то, что известно всем. Это одно из балканских государств, так ведь? Больших рек нет. Больших гор нет, но очень много маленьких. Столица Экарест. Население – в основном разбойники. Хобби – убивать королей и совершать перевороты. Последний король, Николай Четвертый, был убит лет семь назад. С тех пор это республика. В общем, место что надо. Мог бы и раньше сказать, что речь идет о Герцословакии.

– Разве что косвенно.

Энтони бросил на него скорее печальный, нежели гневный взгляд.

– Тебе что-то надо делать, Джеймс, – сказал он. – Учиться заочно, что ли. Если бы в старые добрые времена на Востоке ты стал рассказывать так же, как сейчас, тебя бы подвесили вниз головой и били бы по пяткам или придумали что-нибудь похлеще!

Джимми как ни в чем не бывало продолжил свой рассказ:

– Ты когда-нибудь слышал о графе Стилптиче?

– Вот это уже другой разговор, – обрадовался Энтони. – Даже у тех, кто никогда не слышал о Герцословакии, загораются глаза при упоминании о графе Стилптиче. Великий Балканский Старик. Величайший государственный деятель современности. Величайший разбойник, по которому плачет веревка. Точка зрения зависит от того, какую газету читаешь. Но будь уверен, Джеймс, графа Стилптича будут помнить еще долго после того, как мы с тобой сгнием в могилах. За каждым сколько-нибудь значительным событием на Балканах за последние двадцать лет стоит граф Стилптич. Он был и диктатором, и патриотом, и государственным деятелем, – никто точно не знает, чему он отдавал предпочтение, не говоря о том, что он был и непревзойденным королем интриги. Ну, так что там насчет него?

– Он был премьер-министром Герцословакии, вот почему я о нем заговорил прежде всего.

– У тебя нет чувства пропорции, Джимми! Герцословакия и Стилптич несопоставимы. Она лишь место его рождения и деятельности. Но я думал, он умер?

– Так и есть. Он умер в Париже месяца два назад. То, о чем я тебе рассказываю, случилось несколько лет назад.

– А о чем, собственно, ты мне рассказываешь? – удивился Энтони.

Джимми принял упрек и поспешно продолжил:

– Дело было так. Я находился в Париже – четыре года назад, если быть точным. Прогуливаясь по довольно уединенной улочке, я вдруг увидел, как полдюжины крепких французских головорезов бьют респектабельного старого джентльмена. Ненавижу, когда шестеро бьют одного, поэтому я незамедлительно вмешался и разогнал их. Полагаю, им прежде никогда так сильно не доставалось. Они растаяли, как снег!

– Ты отлично поступил, Джеймс, – смягчился Энтони. – Хотел бы я видеть эту потасовку.

– Ах, пустяки, – скромно заметил Джимми. – Но старик был мне бесконечно благодарен. Он, безусловно, был под хмельком, но не настолько, чтобы не узнать мое имя и адрес, а на следующий день пришел ко мне и поблагодарил. И сделал это от души. Тогда-то я и узнал, что спас графа Стилптича. У него был дом неподалеку от Булонского леса.

Энтони кивнул:

– Да, после убийства короля Николая он уехал в Париж. Впоследствии его просили вернуться и стать президентом, но он не пожелал, храня верность своим монархическим

принципам. Говорят, правда, что он принимал участие во всех закулисных интригах, происходящих на Балканах. Непостижим был покойный граф Стилптич!

– Это у Николая Четвертого был странный вкус на женщин, да? – спросил вдруг Джимми.

– Да, – подтвердил Энтони. – Это беднягу и погубило. Она была третьеразрядной певичкой из парижского мюзик-холла, не годящейся даже для морганатического брака. Но Николай влюбился в нее без памяти, а она только и мечтала о том, чтобы стать королевой. Это невероятно, но им удалось все устроить. Назвали ее графиней Пополевски, или что-то в этом роде, и заявили, что она состоит даже в некотором родстве с Романовыми. Они поженились в соборе Экареста, к великому неудовольствию двух архиепископов, вынужденных проводить обряд венчания, и она была коронована как королева Варага. Николай щедро одарил своих министров и, полагаю, думал, что этого достаточно. Но он забыл о массах. Они в Герцословакии высокомерны и реакционны. Они любят, чтобы их короли и королевы были благородных кровей. Они ворчали и выражали недовольство, которое обычно удавалось безжалостно подавлять, но в конце концов восставшая толпа штурмом взяла дворец, убила короля и королеву и провозгласила республику. С тех пор там республика – но, насколько я слышал, обстановка от этого спокойнее не стала. Были убиты один или два президента, так, для упражнения. Но вернемся к нашим баранам. Итак, граф Стилптич провозгласил тебя своим спасителем.

– Да. Но на том дело и кончилось. Я вернулся в Африку и никогда больше об этом не вспоминал, пока две недели назад мне не пришла какая-то странная посылка, которая искала меня бог знает как долго. Из газет я узнал, что граф Стилптич недавно умер в Париже. Так вот, в посылке были его мемуары, или воспоминания, называй как хочешь. К ней прилагалась записка, в которой говорилось, что если я до тринадцатого октября сего года доставлю рукопись в определенное лондонское издательство, то получу тысячу фунтов.

– Тысячу фунтов? Ты сказал, тысячу фунтов, Джимми?

– Да, сынок. Надеюсь, это не розыгрыш. Как говорит поговорка, не верь принцам и политикам. Вот так. Учитывая, что рукопись так долго искала меня, сейчас время терять нельзя. И все же мне жаль. Но я уже приготовился ехать во внутреннюю часть страны. Еще раз мне такой шанс не представится.

– Ты неисправим, Джимми. Лучше тысяча фунтов в руке, чем какое-то мифическое золото.

– А если это розыгрыш? Во всяком случае, дорога оплачена, я, можно сказать, на пути в Кейптаун, а ты меня совращаешь!

Энтони встал и закурил.

– До меня начинает доходить, к чему ты клонишь, Джеймс. Ты, как и планировал, отправляешься на поиски золота, а я должен для тебя забрать тысячу фунтов. Сколько же из них получу я?

– Как насчет четверти?

– Двести пятьдесят фунтов, не облагающихся, как говорится, налогом?

– Именно.

– Договорились. А теперь скрежещи зубами: я бы согласился и на сто! И позволь тебе сказать, Джимми Макграт: ты не умрешь в своей постели, вождельно подсчитывая внушительный остаток на банковском счете.

– Это еще как сказать... Итак, по рукам?

– По рукам. Согласен. И к черту «Касл силект тур».

Они торжественно выпили за успех дела.

Глава 2

Леди в беде

– Ну вот и все, – сказал Энтони, допив свой бокал и поставив его на стол. – На каком судне ты собирался отплыть?

– «Грэнарт Касл».

– Билет заказан на твое имя, так что я лучше поеду под именем Джимми Макграта. С паспортом, надеюсь, все в порядке?

– Никаких проблем. Мы совершенно не похожи друг на друга, но приметы у нас, вероятно, одинаковые. Рост шесть футов, волосы каштановые, глаза голубые, нос обычный, подбородок обычный...

– Полегче с этой обыкновенностью. Да будет тебе известно, что «Касл» выбрал меня из нескольких претендентов благодаря приятной внешности и изысканным манерам.

Джимми усмехнулся:

– Видел я сегодня утром твои изысканные манеры!

– Иди к черту!

Энтони зашагал по комнате, сосредоточенно наморщив лоб, и только через несколько минут заговорил:

– Джимми, Стилптич умер в Париже. На кой ляд ему было посылать рукопись из Парижа в Лондон через Африку?

Джимми беспомощно пожал плечами:

– Не знаю.

– Почему было не послать ее по почте?

– Согласен, это было бы разумнее.

– Конечно, – продолжал Энтони, – я знаю, что этикет воспрещает королям, королевам и правительственным чиновникам совершать простые, естественные поступки. Есть дипломатическая почта и все прочее. В Средние века им давали кольцо-знак вроде «Сезам, откройся!». «Королевское кольцо! Проходите, милорд!» И обычно находился ловкач, который крал его. Меня всегда удивляло, почему ни одному смышленому малому не пришло в голову изготовить с дюжину таких колец и продавать их по сто фунтов за штуку? И впрямь в Средние века у людей не было никакой предприимчивости!

Джимми зевнул.

– Похоже, мои размышления о Средневековье тебя не заинтересовали! Вернемся к графу Стилптичу. Из Франции в Англию через Африку – слишком мудрено даже для дипломата! Если он хотел передать тебе тысячу фунтов, он просто мог бы их завещать тебе. Слава богу, ни ты, ни я не настолько горды, чтобы не принять наследство! Стилптич, наверное, малость спятил!

– Ты так думаешь?

Энтони нахмурился и вновь зашагал по комнате.

– А ты вообще читал ее? – вдруг спросил он.

– Что читал?

– Рукопись.

– Господи, конечно, нет! Зачем мне читать этот бред?

Энтони улыбнулся:

– Я просто спросил, вот и все! От мемуаров, знаешь ли, бывает множество неприятностей. Слишком много откровений и так далее. Людям, умевшим при жизни держать язык за зубами, доставляет большое удовольствие тешить себя надеждой, что после своей смерти

они поставят кого-нибудь в неловкое положение! Они получают от этого какое-то злобное удовлетворение. Что за человек был граф Стилптич, Джимми? Ты с ним встречался, разговаривал, а ведь ты прекрасно разбираешься в людях. Как тебе показалось, он злопамятен?

Джимми покачал головой:

– Трудно сказать. Видишь ли, в первый вечер он был явно под хмельком, а на следующий день передо мной предстал старый аристократ с самыми изысканными манерами. Он осыпал меня такими комплиментами, что я не знал, куда деваться от смущения.

– А он говорил что-нибудь интересное, когда был пьян?

Джимми задумался, припоминая.

– Кажется, он сказал, что знает, где находится «Кохинор», – с сомнением произнес он.

– Ну, это знают все! Он в Тауэре, да? За толстым стеклом и железными решетками. Его охраняют множество джентльменов в странных нарядах, которые следят, чтобы посетители что-нибудь не стащили!

– Точно, – согласился Джимми.

– А еще чего-нибудь в том же роде Стилптич не рассказывал? Например, что он знает, в каком городе находится коллекция Уоллеса?

Джимми помотал головой.

Энтони хмыкнул, закурил новую сигарету и снова зашагал по комнате.

– Ты, дикарь, наверное, и газет не читаешь, – бросил он наконец.

– Не часто, – просто признался Макграт. – В них, как правило, для меня нет ничего интересного!

– Слава богу, я более цивилизован! Недавно в газетах несколько раз упоминалась Герцословакия. Ходят упорные слухи о реставрации монархии.

– У Николая не было сына, – возразил Джимми. – Хотя я ни минуты не сомневался, что династия Оболовичей не угасла. Вероятно, есть множество молодых кузенов, троюродных и четвероюродных братьев, когда-то устраненных с политической арены и теперь разбросанных по всему свету.

– Значит, найти короля было бы не так трудно?

– Я бы сказал, совсем не трудно, – ответил Джимми. – Знаешь, меня не удивляет, что им надоела республика. Для такого полнокровного, мужественного народа после того, как они прикончили нескольких королей, отстрел президентов – просто забава. Заговорив о королях, я вдруг вспомнил еще кое о чем, о чем мне в тот вечер проговорился граф Стилптич. Он сказал, что знает бандитов, которые на него напали. Это были люди Короля Виктора.

– Что? – вдруг резко развернулся к нему Энтони.

Лицо Макграта расплылось в широкой улыбке.

– Чего ты так взволновался?

– Не дури, Джимми! Ты даже сам не представляешь, какую важную вещь сказал.

Он выглянул в окно.

– Да кто такой Король Виктор? – спросил Джимми. – Еще один балканский монарх?

– Нет, – медленно ответил Энтони. – Это король иного сорта.

– Какого же?

Выдержав паузу, Энтони начал рассказывать:

– Это мошенник, Джимми. Самый известный в мире вор, специализирующийся на драгоценностях. Фантастически смелый и ловкий малый, которого ничто не может запугать. В Париже он был известен под кличкой Король Виктор. В Париже размещалась его штаб-квартира. Его арестовали и по незначительному обвинению посадили в тюрьму на семь лет. Более веских обвинений ему предъявить не сумели. Вскоре он выйдет из тюрьмы – а может быть, уже вышел.

– Думаешь, граф Стилптич имеет какое-нибудь отношение к его осуждению? Поэтому банда на него и напала? Из мести?

– Не знаю, – ответил Энтони. – На первый взгляд это кажется неправдоподобным. Насколько я слышал, Король Виктор никогда не крал драгоценных камней с короны Герцословакии. Однако смерть Стилптича, мемуары, заметки в газетах – не ясно, но интересно, наводит на размышления, не так ли? А еще слухи, что в Герцословакии нашли нефть. Я кожей чувствую, Джеймс, что этой незначительной, маленькой страной еще заинтересуются.

– Кто заинтересуется?

– Хотя бы евреи. Смуглые финансисты из Сити.

– Слушай, к чему ты все время клонишь?

– Пытаюсь тебе втолковать, что дело гораздо сложнее, чем кажется.

– Не хочешь ли ты сказать, что передать рукопись в издательство будет сложно?

– Нет... – небрежно заметил Энтони. – Не думаю, что с этим возникнут трудности...

Сказать тебе, Джеймс, куда я предполагаю отправиться со своими двумястами пятьюдесятью фунтами?

– В Южную Америку?

– Нет, дружок, в Герцословакию. Наверное, поддержу республику. Вероятно, стану президентом.

– А почему не объявить себя наследником престола и не стать королем?

– Нет, Джимми. Король – это на всю жизнь, а президентом становишься на четыре года или что-то вроде этого. Забавно было бы четыре года править таким государством, как Герцословакия.

– Короли в среднем правят даже меньше, я бы сказал, – вставил Джимми.

– Вероятно, у меня будет сильное искушение растратить твою долю из тысячи фунтов.

Да они тебе и не понадобятся, знаешь ли, ведь ты вернешься с грудой самородков. Я вложу твои деньги в нефть Герцословакии. Знаешь, Джеймс, чем больше я думаю об этом, тем больше мне нравится твоя идея. Я бы никогда и не заикнулся о Герцословакии, если бы ты о ней не упомянул. Один день я проведу в Лондоне, собираясь в дорогу, а затем на «Балканский экспресс»!

– Тебе не удастся так быстро уехать. Я не успел тебе сказать, что у меня есть к тебе еще одно небольшое поручение.

Энтони опустил в кресло и сурово посмотрел на друга:

– Я как чувствовал, что ты мне подстроишь какую-нибудь гадость. Ах ты, хитрец!

– Ничуть. Речь идет о том, чтобы помочь леди.

– Джеймс, я раз и навсегда отказываюсь вмешиваться в твои любовные истории.

– Это не любовная история. Я никогда не видел этой женщины. Сейчас я тебе все объясню.

– Если мне предстоит выслушать твою очередную длинную, бессвязную историю, то предлагаю еще выпить.

Хозяин охотно удовлетворил просьбу и начал рассказ:

– Я тогда был в Уганде. Спас жизнь одному старателю...

– На твоём месте, Джимми, я бы написал книжонку под названием «Жизни, которые я спас». За сегодняшний вечер я слышу уже вторую такую историю.

– Ну, на этот раз случай был пустяковый. Просто вытащил одного бедолагу из реки. Как все старатели, он не умел плавать.

– Погоди, это имеет какое-нибудь отношение к первому делу?

– Никакого, хотя, как ни странно, этот человек был из Герцословакии. Впрочем, мы его звали Голландцем Педро.

Энтони равнодушно кивнул.

– Хорошее имя для старателя, – заметил он. – Продолжай, Джеймс.

– Так вот, этот малый был очень мне благодарен. Вертелся возле меня, как пес. Месяцев шесть спустя он умер от лихорадки. Я был рядом. Умирая, он подозвал меня и возбужденным шепотом принялся делиться со мной каким-то секретом, бормотал что-то о золотой жиле. Вручил мне завернутый в клеенку пакет, который всегда держал при себе. Мне было тогда недосуг им заниматься, и только неделю спустя я открыл пакет. Признаюсь, я и не думал, что у Голландца Педро достанет ума найти золотую жилу, но никогда ведь не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

– И при одной мысли о золоте у тебя, как всегда, учащенно забилось сердце, – перебил его Энтони.

– Я никогда в жизни не испытывал подобного разочарования. Тоже мне, золотая жила! Может быть, для него, грязного пса, это и была золотая жила. Знаешь, что это было? Письма женщины. Да, письма женщины, притом англичанки. Этот подлец ее шантажировал. И у него хватило наглости поручить мне продолжать его грязное дело.

– Мне приятно видеть твой благородный гнев, Джеймс, но позволь заметить тебе, что таковы все мошенники. Намерения у него были самые лучшие. Ты спас ему жизнь, он завещал тебе выгодный источник заработка, а на твои высокие идеалы англичанина ему было начхать.

– Ну, так что же мне делать с этими письмами? Сначала я подумал о том, чтобы их сжечь. Потом мне вдруг пришло в голову, что бедная дама, не зная, что они уничтожены, постоянно живет в страхе, что этот мерзавец когда-нибудь объявится.

– А у тебя воображение сильнее, чем я думал, Джимми, – заметил Энтони, закуривая. – Вынужден признать, дело гораздо тоньше, чем мне сначала казалось. Почему бы не послать их ей по почте?

– Как все женщины, она на большинстве писем не поставила ни даты, ни адреса. Только на одном что-то вроде адреса. Всего одно слово: «Чимниз».

Энтони замер с горящей спичкой в руке и, лишь когда обжег палец, бросил ее на пол.

– Чимниз? – переспросил он. – Невероятно!

– А ты знаешь это место?

– Это один из самых знаменитых домов в Англии, дорогой мой Джеймс! Короли и королевы проводят там уик-энды, дипломаты и сановники решают важные государственные вопросы.

– Вот почему я так рад, что ты поедешь в Англию вместо меня! Тебе там все известно! – просто признал Джимми. – Невежда из канадского захолустья вроде меня наломал бы там немало дров! Но ты, закончивший Итон и Харроу...

– Только один из них, – скромно поправил Энтони.

– Ты сможешь все выполнить на высшем уровне. Ты спрашиваешь: почему я их не отослал по почте? Мне показалось это опасным. Насколько я понял, у нее ревнивый муж. А если бы он нечаянно вскрыл этот пакет? Что стало бы с бедной дамой? А может быть, она умерла, ведь письма написаны давно? Нет, как ни крути, а единственный выход – доставить их в Англию и передать ей лично в руки!

Энтони отбросил сигарету, подошел к другу и любовно похлопал по спине.

– Ты настоящий рыцарь, Джимми! – сказал он. – Канадское захолустье может гордиться своим сыном! Ты справился бы с этим делом не хуже меня!

– Так ты согласен?

– Конечно!

Макграт встал, подошел к комоду, вынул из ящика связку писем и бросил ее на стол.

– Вот! Лучше прогляди их!

– Это необходимо? Как-то неприлично.

– Из того, что ты рассказал о Чимнизе, следует, что она вполне могла гостить там. Лучше прочитать письма, может быть, найдется хоть какое-то упоминание, где она может жить.

– Пожалуй, ты прав!

Они тщательно просмотрели письма, но никакой информации о местопребывании загадочной дамы не нашли. Энтони задумчиво связал их в пачку.

– Бедняжка, – заметил он, – судя по всему, она была напугана до полусмерти.

Джимми кивнул.

– Думаешь, тебе удастся разыскать ее? – тревожно спросил он.

– Я не уеду из Англии, пока не найду ее. Ты очень волнуешься за эту незнакомку, Джимми?

Тот задумчиво провел пальцем по подписи.

– Мне понравилось ее имя, – виновато ответил он, – Вирджиния Ревел!

Глава 3

Тревога в высших сферах

– Конечно, мой друг, конечно, – произнес лорд Катерхэм.

Он уже трижды повторил эти слова, надеясь ими закончить встречу и поскорее уйти. Он очень не любил торчать на ступеньках элитарного лондонского клуба, членом которого имел честь состоять, и слушать нескончаемые разглагольствования почтенного Джорджа Ломакса.

Клемент Эдвард Алистер Брент, девятый маркиз Катерхэм, невысокий, обычно одетый джентльмен, совершенно не соответствовал традиционным представлениям о маркизах. У него были выцветшие голубые глаза, тонкий нос, придававший ему несколько меланхолический вид, и простовато-небрежные, хотя и достаточно изысканные манеры.

Главное несчастье жизни маркиза заключалось в том, что четыре года назад он унаследовал титул брата, восьмого лорда Катерхэма. Предыдущий лорд был выдающейся личностью, известной всей Англии. Занимая одно время пост министра иностранных дел, он всегда имел веское слово при обсуждении дел империи, а его загородная резиденция Чимниз славилась гостеприимством. При помощи замечательной жены лорда Катерхэма, дочери герцога Перта, по уик-эндам в неофициальной обстановке в Чимнизе вершилась история. В Англии, да и в Европе не было сколько-нибудь заметного лица, которое хоть раз не гостило бы там.

Все шло прекрасно. Девятый маркиз Катерхэм свято чтит память своего выдающегося брата, который вполне заслужил это. Однако его тяготила необходимость следовать по его стопам, поскольку Чимниз скорее стал национальным достоянием, нежели собственно загородным домом. Ничто не удручало так лорда Катерхэма, как политика, а еще больше – политики. Поэтому он с нетерпением ждал окончания разговора с велеречивым Джорджем Ломаксом, крепким, склонным к полноте человеком, с красным лицом, пронзительными глазами и огромным самомнением.

– Видите ли, Катерхэм, мы не можем, мы просто не можем допустить, чтобы сейчас разразился скандал! Положение крайне деликатное!

– Положение всегда несколько деликатное, – не без иронии отозвался лорд Катерхэм.

– Друг мой, уж мне-то это известно!

– О, конечно, конечно, – кивнул лорд Катерхэм, возвращаясь на старую линию обороны.

– Один промах в этом герцословацком деле, и нам конец! Сейчас крайне важно предоставить британской компании нефтяные концессии!

– Конечно, конечно!

– В конце недели приезжает принц Михаил Оболович, и все дело можно будет уладить в Чимнизе под стук бильярдных шаров.

– А я собирался на этой неделе съездить за границу, – ответил лорд Катерхэм.

– Ерунда, дорогой Катерхэм! Никто не ездит за границу в начале октября!

– Мой врач считает, что у меня серьезные проблемы со здоровьем, – заявил Катерхэм, нетерпеливо поглядывая на пролетающие такси.

Однако вырваться на свободу ему не удавалось, поскольку Ломакс обладал неприятной привычкой удерживать человека, с которым у него завязался разговор, и, несомненно, немалым опытом в этом деле. В настоящее время он крепко держал лорда Катерхэма за лацкан пиджака.

– Друг мой, заявляю со всей ответственностью! В преддверии национального кризиса, который ждет нас в ближайшем будущем...

Лорд Катерхэм зябко поежился. Он вдруг понял, что предпочел бы дать несколько приемов, чем слушать повторение одной из скучных речей Джорджа Ломакса. А ведь тому ничего не стоит проговорить без остановки хоть двадцать минут!

– Хорошо! – быстро согласился он. – Я все устрою. Полагаю, вы уладите свои вопросы!

– Друг мой, тут нечего устраивать! Чимниз, не говоря о его историческом значении, идеально расположен! Я буду у себя, меньше чем в семи милях оттуда. Разумеется, мне не пристало присутствовать на домашнем приеме!

– Разумеется, – быстро согласился лорд Катерхэм, который не знал, да и не хотел знать, почему, собственно, не пристало.

– Вы не возражаете взять в помощники Билла Эверсли? Он может пригодиться для связи со мной.

– С удовольствием, – оживился лорд Катерхэм. – Билл вполне приличный малый, да и Бандл прекрасно к нему относится.

– Бильярд, разумеется, не так уж и важен. Это лишь предлог.

Лорд Катерхэм снова погрузился:

– Тогда все. Принц, его свита, Билл Эверсли, Герман Айзекстайн...

– Кто?

– Герман Айзекстайн. Представитель синдиката, о котором я вам говорил.

– Всебританского синдиката?

– Да. А что?

– Ничего... ничего... я лишь поинтересовался, вот и все. Любопытные у этих людей имена.

– Потом, конечно, надо бы пригласить посторонних, одного-двух человек, – только для того, чтобы прием выглядел как настоящий. Леди Эйлин могла бы об этом позаботиться. Желательно заполучить людей молодых, не критичных, совершенно не разбирающихся в политике.

– Бандл отлично со всем справится, я уверен.

– Я вот о чем хочу вас спросить. – Ломакса, похоже, осенило. – Помните, о чем я вам только что рассказывал?

– Вы много о чем рассказывали.

– Нет-нет, я имею в виду это несчастное осложнение. – Он понизил голос до таинственного шепота. – Мемуары... мемуары графа Стилптича.

– Мне кажется, тут вы заблуждаетесь, – сказал лорд Катерхэм, подавляя зевок. – Люди любят скандалы. Черт возьми, я сам читаю мемуары... и с удовольствием.

– Дело не в том, прочтут их или нет, – невелика важность, а в том, что их публикация именно сейчас может все разрушить... все. Народ Герццословакии хочет реставрировать монархию и готов предложить корону принцу Михаилу, имеющему поддержку правительства его величества.

– И который готов предоставить мистеру Герману Айзекстайну и компании концессии в обмен на миллионный заем, чтобы сесть на трон...

– Катерхэм, Катерхэм! – мученическим шепотом взмолился Ломакс. – Осторожнее, умоляю, прежде всего осторожнее.

– Дело в том, – с удовольствием продолжил лорд Катерхэм, уступив, однако, просьбе собеседника и понизив голос, – что воспоминания Стилптича могут расстроить чьи-то планы. Тирания и недостойное поведение семьи Оболовичей, а? Эти вопросы обсуждались в парламенте. Зачем заменять нынешнее широко мыслящее и демократическое правитель-

ство абсолютной тиранией? Политика, диктуемая кровососами-капиталистами. Правительству грозит опасность. Ну, как вам?

Ломакс кивнул.

– А может быть и хуже, – тихо произнес он. – Предположим... только предположим, что кто-то упомянет об этом досадном исчезновении... вы знаете, что я имею в виду.

Лорд Катерхэм недоуменно посмотрел на него:

– Нет, не знаю, что за исчезновение?

– Как, вы не слышали? Это произошло в Чимнизе. Генри был очень расстроен. Его карьере чуть не пришел конец.

– Вы меня просто заинтриговали, – оживился лорд Катерхэм. – Кто или что исчезло?

Ломакс подался вперед и приложился губами к уху лорда Катерхэма. Тот поспешно отдернулся:

– Ради бога, не шипите!

– Вы слышали, что я сказал?

– Да, слышал, – неохотно ответил лорд Катерхэм. – Теперь кое-что припоминаю. Очень любопытное дело. Интересно, кто же это сделал? Так ничего и не выяснилось?

– Так и не выяснилось. Разумеется, действовать пришлось очень осторожно. Не должно было просочиться ни намек на потерю. Но Стилптич тогда был там. Он что-то знал, не все, но что-то. Мы с ним один или два раза ссорились по турецкому вопросу. Предположим, в порыве безумной злобы он изложил это в своих мемуарах. Подумайте о скандале и далекоидущих последствиях. Все бы недоумевали: почему это замалчивалось?

– Конечно, – с явным удовольствием согласился лорд Катерхэм.

Ломакс, говоривший совсем тихо, взял себя в руки.

– Я должен сохранять спокойствие, – пробормотал он. – Спокойствие и еще раз спокойствие. Но я вот о чем хочу вас спросить, мой друг. Если у него не было злого умысла, почему он послал рукопись в Лондон таким окольным путем?

– Это, конечно, странно. Вы уверены в фактах?

– Абсолютно. У нас... э... есть агенты в Париже. Мемуары были тайно отправлены за несколько недель до его смерти.

– Да, тут что-то есть, – произнес лорд Катерхэм с тем же удовольствием, что и раньше.

– Мы выяснили, что они были посланы человеку по имени Джимми, или Джеймс, Макграт, канадцу, живущему сейчас в Африке.

– Дело касается империи, не так ли? – весело спросил лорд Катерхэм.

– Завтра, в четверг, Джеймс Макграт прибудет на «Грэнарт Касл».

– И что же нам делать?

– Мы, разумеется, встретимся с ним, обрисуем ему, какими серьезными последствиями чревата публикация мемуаров, и попросим его хотя бы в течение месяца ничего не предпринимать, и, во всяком случае, позаботимся о том, чтобы они были тщательно отредактированы.

– А если он откажется или пошлет вас к черту или еще куда-нибудь? – предположил лорд Катерхэм.

– Этого-то я и боюсь, – признал Ломакс. – Вот почему мне вдруг пришло в голову, что хорошо бы его тоже пригласить в Чимниз. Естественно, он будет польщен знакомством с принцем Михаилом, и с ним, может быть, будет легче справиться.

– Я не буду его приглашать, – поспешно возразил лорд Катерхэм. – Я не люблю канадцев, и никогда не любил, особенно тех, кто долго живет в Африке!

– А может быть, он окажется отличным малым, таким неотшлифованным алмазом?

– Нет, Ломакс. Мое слово твердо. Пусть с ним возится кто-нибудь другой.

– По-моему, – сказал Ломакс, – здесь бы очень пригодилась женщина, которой можно рассказать достаточно, но не слишком много. Женщина могла бы деликатно и тактично уломать его. Не то чтобы мне нравилось участие женщин в политике, здесь лучше обойтись без них. Но в своей области женщина может творить чудеса. Только вспомните, как жена Генри влияла на него. Марсия была необыкновенной, уникальной женщиной, блестящей хозяйкой политического салона!

– Уж не хотите ли вы пригласить Марсию на этот прием? – слабым голосом спросил лорд Катерхэм, побледнев при одном упоминании о ненавистной невестке.

– Нет-нет, вы меня не так поняли. Я говорил о влиянии женщины вообще. Нет, я предлагаю пригласить молодую женщину, очаровательную, красивую, умную.

– Не Бандл же? Бандл тут вовсе не годится. Она прожженная социалистка и просто рассмеется над подобным предложением.

– Я говорю не о леди Эйлин. Ваша дочь, Катерхэм, очаровательна, просто очаровательна, но она совсем ребенок. Нам нужна женщина опытная, уравновешенная, знающая жизнь. Ах, ну, конечно, тут пригодится только один человек: моя кузина Вирджиния.

– Миссис Ревел?

Лорд Катерхэм оживился, почувствовав, что, возможно, прием все же будет не так уж скучен.

– Мне нравится ваше предложение, Ломакс. Самая очаровательная женщина Лондона.

– К тому же она в курсе всех дел Герцословакии. Ее муж, напомню вам, служил там в посольстве. И согласен с вами, она обладает огромным обаянием.

– Чудесное создание, – охотно подтвердил лорд Катерхэм.

– Что ж, тогда договорились.

Мистер Ломакс ослабил свою хватку, и лорд Катерхэм не преминул освободить лацкан пиджака.

– До свидания, Ломакс, вы все устроите, не так ли?

Он быстро шмыгнул в проходящее такси. Лорд Катерхэм не любил достопочтенного Джорджа Ломакса, как только может один добропорядочный христианин не любить другого добропорядочного христианина. Он не любил его одутловатое красное лицо, тяжелое дыхание и назойливый взгляд выпуклых голубых глаз. Подумав о ближайшем уик-энде, он вздохнул. Досада, ах какая досада! Однако при мысли о Вирджинии Ревел он несколько приободрился.

– Чудесное создание, – пробормотал он себе под нос. – Чудесное!

Глава 4

Очаровательная леди

Джордж Ломакс вернулся в Уайтхолл. Войдя в роскошные апартаменты, где вершились государственные дела, он услышал какое-то шуршание.

Мистер Билл Эверсли усердно писал письма, но огромное кресло возле окна еще хранило тепло человеческого тела.

Билл Эверсли был очень симпатичным молодым человеком. Лет двадцати пяти, крупный и довольно неуклюжий, с приятным, но некрасивым лицом, белоснежными зубами и честными карими глазами.

– Ричардсон еще не прислал отчет?

– Нет, сэр. Напомнить ему об этом?

– Необязательно. Были какие-нибудь телефонные сообщения?

– Ими в основном занимается мисс Оскар. Мистер Айзекстайн хочет знать, не согласитесь ли вы пообедать с ним завтра в «Савое».

– Попросите мисс Оскар заглянуть в мой ежедневник. Если у меня ничего не назначено, пусть позвонит ему и примет приглашение.

– Да, сэр.

– Кстати, Эверсли, не позвоните ли для меня в одно место? Посмотрите номер в книжке. Миссис Ревел, Понт-стрит, 487.

– Да, сэр.

Билл взял телефонную книгу, пробежал невидящими глазами нужную колонку, громко захлопнул книгу и подошел к телефону. Прикоснувшись к трубке, он остановился, словно вдруг что-то вспомнив:

– Ах да, сэр, чуть не забыл! У нее что-то не в порядке с телефоном. Я имею в виду у миссис Ревел. Я только что пытался ей дозвониться.

Джордж Ломакс нахмурился.

– Досадно, – сказал он, – очень досадно. – Он нерешительно побарабанил пальцами по столу.

– Если у вас что-то важное, сэр, я мог бы съездить к ней на такси. Я уверен, она сейчас дома.

Джордж Ломакс заколебался, обдумывая предложение. Билл с нетерпением ждал, готовясь немедленно сорваться с места и выполнить приятное поручение.

– Вероятно, это было бы лучше всего, – согласился наконец Ломакс. – Хорошо, поезжайте к миссис Ревел на такси и спросите ее, будет ли она дома сегодня в четыре часа, потому что у меня к ней очень важное дело.

– Хорошо, сэр.

Билл взял шляпу и исчез.

Десять минут спустя такси доставило его на Понт-стрит, 487. Он позвонил и вдобавок громко постучал в дверь молоточком. Дверь открыл важного вида слуга, которому Билл кивнул, как давнему знакомому.

– Доброе утро, Чилверс, миссис Ревел дома?

– Полагаю, сэр, она собирается уходить.

– Это вы, Билл? – раздался голос сверху. – Я узнала вас по грохоту! Поднимайтесь, поговорим.

Билл посмотрел на смеющееся лицо, которое всегда настолько покоряло его – да и не только его, – что он терялся и начинал мямлить что-то бессвязное. Он поднялся по лестнице, взлетая через две ступеньки, и крепко сжал протянутую руку Вирджинии Ревел.

– Привет, Вирджиния!

– Привет, Билл!

Обаяние – совершенно особенное качество; сотни молодых женщин, даже красивее Вирджинии Ревел, могли бы сказать «Привет, Билл» с той же интонацией, и это не произвело бы на него особого впечатления. Но эти два слова, прозвучавшие из уст Вирджинии, повергли Билла в шок.

Вирджинии Ревел было двадцать семь лет. Высокая и настолько стройная и пропорционально сложенная, что о ее фигуре можно было бы слагать поэмы. Бронзового цвета волосы с зеленовато-золотистым оттенком; решительный маленький подбородок, прелестный носик, раскосые, синие, как васильки, глаза, блестящие из-под полузакрытых век, и великолепный, четко очерченный рот, один уголок которого кокетливо загибался вверх. Это было очень выразительное лицо, а его живость и лучезарность невольно приковывали взоры. Не обратить внимания на Вирджинию Ревел было просто невозможно.

Она отвела Билла в небольшую гостиную, выдержанную в бледно-сиреневых, зеленых и желтых тонах, создающих впечатление луга с крокусами.

– Билл, дорогой, – улыбнулась Вирджиния, – как же министерство иностранных дел без вас? Я думала, вы там незаменимы!

– Я к вам с посланием от Кодерса. – Так непочтительно Билл за глаза величал своего шефа. – Кстати, Вирджиния, если он спросит, помните, что у вас сегодня утром не работал телефон.

– Но он работал.

– Я знаю. Пришлось сказать, что не работал.

– Зачем? Просветите меня, что творится в министерстве иностранных дел?

Билл с упреком взглянул на нее:

– Ведь тогда бы я не приехал сюда и не увиделся с вами!

– Ах, Билл, дорогой, как же я глупа! И как это мило с вашей стороны!

– Чилверс сказал, что вы собираетесь уезжать.

– Да, на Слоун-стрит. Там есть магазин, где продаются замечательные набедренные пояса.

– Набедренные пояса?

– Да, Билл, на-бед-рен-ные – понимаете? – набедренные по-я-са. Пояса на бедра. Надеваются прямо на тело.

– Увольте, Вирджиния! Не следует описывать свое белье молодому человеку, с которым вас не связывают близкие отношения. Это не деликатно.

– Но, Билл, дорогой, в бедрах нет ничего не деликатного! У всех у нас есть бедра, хотя мы, бедные женщины, отчаянно пытаемся делать вид, что их у нас нет. Этот набедренный пояс сделан из красной резины и достает почти до колен. В нем просто невозможно ходить!

– Какой ужас! – вскричал Билл. – Зачем же вам это нужно?

– Потому что это помогает нам верить, будто мы страдаем ради фигуры. Но хватит о поясах! Что нужно Джорджу?

– Он хочет знать, будете ли вы дома сегодня в четыре часа.

– Не буду. Я собираюсь в Рейнлэх. А почему такое официальное обращение? Он что, собирается сделать мне предложение?

– Меня бы это не удивило.

– В таком случае можете передать ему, что я предпочитаю мужчин, которые делают предложение, повинувшись влечению.

- Как я?
- У вас не влечение, Билл. У вас привычка!
- Вирджиния, вы когда-нибудь...
- Нет, нет и нет, Билл! Утром до ленча ко мне лучше не подходить! Вы только подумайте, кто я? Симпатичная женщина, приближающаяся к среднему возрасту, принимающая близко к сердцу ваши интересы.
- Вирджиния, я вас люблю именно такую!
- Знаю, Билл, знаю! Мне просто нравится быть любимой! Неужто это так ужасно и безнравственно с моей стороны? Мне хочется влюбить в себя всех мужчин на свете...
- Полагаю, своей цели вы уже добились! – мрачно заметил Билл.
- Джордж, надеюсь, не влюблен в меня! Не думаю, чтобы он был на это способен. Он женат на своей карьере. Так что он еще просил передать?
- Только то, что это очень важно.
- Билл, я заинтригована. Джордж так редко что-то считает очень важным. Бог с ним, с Рейнлэхом. В конце концов в Рейнлэх я могу поехать и в другой день. Передайте Джорджу, что я покорно буду ждать его в четыре часа.
- Билл посмотрел на часы.
- Вряд ли имеет смысл возвращаться до ленча. Пойдемте, Вирджиния, перекусим.
- Я и так собиралась на ленч.
- Отлично. Мы прекрасно проведем время, и к черту все остальное.
- Это было бы очень мило, – сказала Вирджиния, улыбнувшись.
- Вирджиния, вы прелесть! Скажите, я хоть немного нравлюсь вам? Больше остальных?
- Билл, я вас обожаю! Если бы мне пришлось выйти за кого-то замуж – просто пришлось, я имею в виду, если бы это было начертано в книге судеб и какой-нибудь гадкий мандарин сказал мне: «Выйди за кого-нибудь замуж или умри в медленных муках», я бы сделала выбор незамедлительно. Сказала бы: «Дайте мне малыша Билла!»
- Что ж, тогда...
- Да, только я не хочу ни за кого выходить. Мне нравится быть веселой вдовой!
- Вы бы занимались тем же, чем и сейчас. Делали бы все, что вам захочется, а меня бы даже не замечали!
- Билл, вы не понимаете. Я из тех, кто выходит замуж только по велению сердца, если вообще выходит.
- Билл тихо застонал.
- Я, наверное, когда-нибудь застрелюсь, – печально вздохнул он.
- Да нет, дорогой Билл, не застрелитесь! Вы пригласите на ужин хорошенькую девушку – как позавчера вечером!
- Билл покраснел:
- Если вы имеете в виду Дороти Киркпатрик, девушку из кордебалета, то, конечно, она очень мила, как и все они, но у меня с ней нет ничего серьезного.
- Разумеется, Билл, дорогой! Мне нравится, когда вы наслаждаетесь жизнью! Только не притворяйтесь, будто умираете от неразделенной любви!
- Мистер Эверсли принял вид оскорбленного достоинства.
- Вы не понимаете, Вирджиния, – строго произнес он. – Мужчины...
- Полигамны! Я знаю. Иногда у меня закрадывались эти жуткие подозрения! Если вы действительно меня любите, Билл, поедem скорее завтрак!

Глава 5

Первый вечер в Лондоне

Даже в самые лучшие планы нет-нет да и проскользнет изъян. Джордж Ломакс совершил одну ошибку. В его стратегии оказалось слабое звено: Билл.

Билл Эверсли был очень славным парнем. Прекрасный игрок в крокет и гольф, с приятными, доброжелательными манерами, он своему положению в министерстве иностранных дел был, однако, обязан не уму, а хорошим связям. Работе, которую он выполнял, Билл вполне соответствовал. В некотором смысле он был собакой Джорджа. Никакой ответственной или чрезмерно умственной работой он не занимался. Его обязанности состояли в том, чтобы постоянно быть под рукой у Джорджа, принимать незначительных людей, с которыми не хотел встречаться Джордж, служить мальчиком на побегушках и вообще подчищать всяческую мелочовку. Все это Билл выполнял достаточно добросовестно. В отсутствие шефа он растягивался в самом большом кресле и, согласно благоприобретенной привычке, почиывал спортивные новости.

Джордж послал Билла в контору «Юнион Касл» выяснить, когда прибывает «Грэнарт Касл». Как и большинство образованных молодых англичан, Билл говорил приятным, но не очень четким голосом. Любой опытный оратор придрался бы к тому, как он произносит слово «Грэнарт». Его можно было истолковать как угодно. Клерк расслышал «Гарнфре».

«Гарнфре Касл» прибывал в следующий четверг. Так сказал клерк. Билл поблагодарил его и ушел. Ломакс в соответствии с полученной информацией выстроил свои планы. Он ничего не знал о названиях лайнеров «Юнион Касл» и принял как должное, что Джеймс Макграт прибывает в четверг.

Он был бы немало удивлен, узнав, что в тот момент, когда он вел нудную беседу с лордом Катерхэмом на ступеньках клуба в среду утром, «Грэнарт Касл» пришвартовался в Саутгемптоне. В два часа того же дня Энтони Кейд, путешествующий под именем Джеймса Макграта, сошел с речного трамвайчика в Ватерлоо, остановил такси и, поколебавшись с минуту, велел водителю отвезти его в отель «Блиц».

«Хорошо бы устроиться поудобнее», – подумал Энтони, с интересом глядя в окно такси.

Он не был в Лондоне четырнадцать лет.

Приехав в отель и заказав номер, Энтони отправился на небольшую прогулку по набережной. Ему было приятно вновь оказаться в Лондоне. Конечно, все тут изменилось. Он вспомнил маленький ресторанчик, как раз за Блэкфрайарс-Бридж, где часто обедал в компании серьезных молодых людей. Тогда он был социалистом и носил струящийся красный галстук. Молод... как молод он тогда был!

Энтони вернулся в «Блиц». Переходя дорогу, он столкнулся с каким-то прохожим и чуть не упал. Когда оба пришли в себя, мужчина пробормотал слова извинения, при этом пристально разглядывая Энтони. Это был невысокий, плотный человек, по виду рабочий, но что-то в нем выдавало иностранца.

Энтони зашагал в отель, раздумывая, чем так заинтересовал незнакомца. Вероятно, случайность. А может быть, причиной был сильный загар, непривычный для вечно бледных лондонцев? Он поднялся к себе в номер и, повинувшись внезапному импульсу, посмотрелся в зеркало. Узнал бы его сейчас кто-нибудь из немногих, совсем немногих прежних друзей, столкнувшись с ним лицом к лицу? Он медленно покачал головой.

Когда он уезжал из Лондона, ему было всего восемнадцать лет – белокурый, круглолицый мальчик с обманчиво-ангельской внешностью. Вряд ли кто узнал бы того мальчика в худощавом, загорелом мужчине с насмешливым выражением глаз.

Зазвонил телефон, и Энтони снял трубку:

– Алло!

Это был гостиничный портье.

– Мистер Джеймс Макграт?

– Да, это я.

– К вам джентльмен.

Энтони удивился:

– Ко мне?

– Да, сэр, иностранец.

– Как его зовут?

Немного помолчав, портье ответил:

– Я пришлю к вам рассылного с его визитной карточкой.

Энтони положил трубку и стал ждать. Через несколько минут в дверь постучали, и, получив приглашение войти, порог переступил мальчик-рассылный с визитной карточкой на подносе.

Взяв карточку, Энтони прочел: «Барон Лолопретжил».

Теперь ему стало ясно, почему портье замялся. Рассмотрев еще раз карточку, он принял решение:

– Проводи этого джентльмена ко мне!

– Хорошо, сэр!

Через несколько минут в номер вошел барон Лолопретжил, крупный человек с огромной веерообразной черной бородой и высоким лысым лбом.

– Мистер Макграт? – спросил он, щелкнув каблуками и поклонившись.

Энтони как можно точнее ответил ему тем же.

– Прошу вас, барон, присаживайтесь, – предложил он, пододвигая стул. – Кажется, я не имел удовольствия встречаться с вами раньше?

– Кажется, – подтвердил барон, садясь. – К сожалению! – вежливо добавил он.

– Мне тоже очень жаль, – в тон ему ответил Энтони.

– Перейдем к делу давайте, – произнес барон. – Я в Лондоне монархическую партию Герцословакии представляю.

– И уверен, представляете с честью.

Барон поклонился, благодаря за комплимент.

– Вы любезны слишком, – каким-то деревянным слогом произнес он. – Мистер Макграт, я скрывать не буду ничего от вас. Настала пора монархию реставрировать, которая угасла со смертью мученической всемиловитейшего величества Николая Четвертого, память ему светлая.

– Аминь, – вырвалось у Энтони. – Я слышал об этом.

– На трон его высочество принц Михаил взойдет, которого британское правительство поддерживает.

– Великолепно! – отозвался Энтони. – Как мило с вашей стороны рассказать мне все это!

– Все готово уже, а... приезжаете вы и ситуацию усложняете.

Барон сурово смотрел на него.

– Дорогой барон! – запротестовал Энтони.

– Да, да, я знаю, говорю о чем! У вас с собой графа Стилптича мемуары! – Он с упреком посмотрел на Энтони.

– А если и так? Какое отношение мемуары графа Стилптича имеют к принцу Михаилу?

– Они скандал вызовут.

– Все мемуары почти всегда вызывают скандалы! – утешил его Энтони.

– Он секретов знал много. Если бы известна стала хоть часть из них, война разразится в Европе!

– Ну-ну, – добродушно возразил Энтони. – Не может быть, чтобы все обстояло так плохо!

– Об Оболовичах сложится мнение неблагоприятное за границей. А англичане демократичны очень.

– Я охотно верю, что Оболовичи временами бывали несколько своевольными, – допустил Энтони. – Это у них в крови. Но Европа от Балкан и не ждет ничего хорошего. Не знаю почему, но это так!

– Вы не понимаете, – упорствовал барон. – Вы ничего не понимаете, а мои уста запечатаны. – Он вздохнул.

– Чего же вы так боитесь? – удивился Энтони.

– Пока я мемуары не прочел, не знаю! – просто ответил барон. – В них, безусловно, есть что-то. Всегда несдержанны эти великие дипломаты бывают. Тележка с яблоками опрокинута будет, как говорит пословица.

– Послушайте, – мягко обратился к нему Энтони, – я уверен, вы слишком пессимистично настроены. Я все знаю об издателях. Они высидивают рукописи, как яйца! Пройдет не менее года, прежде чем мемуары будут опубликованы!

– Вы или обманщик, или молодой человек очень простодушный. Все устроено так, чтобы уже в воскресных газетах были опубликованы отрывки!

Ошеломленный Энтони ахнул.

– Но вы всегда можете все отрицать, – с надеждой предположил он.

Барон печально покачал головой:

– Нет-нет, ерунду говорите вы. К делу перейдем. Получить тысячу фунтов должны вы, не так ли? Вот видите, я имею о вас сведения достаточные.

– Что ж, поздравляю службу разведки лоялистов.

– Более полутора тысяч тогда я предлагаю вам.

Энтони удивленно посмотрел на него, затем печально покачал головой.

– Боюсь, это невозможно, – с сожалением возразил он.

– Хорошо. Две тысячи вам предлагаю.

– Вы меня соблазняете, барон, соблазняете, согласитесь, но я все равно говорю, что это невозможно.

– Цену свою тогда назовите.

– Боюсь, вы не понимаете ситуации. Я очень хочу верить, что вы ведете честную игру и что эти мемуары могут повредить вашему делу. Однако я взялся за эту работу и должен ее выполнить. Связан словом. Так что не могу позволить себе быть подкупленным другой стороной.

Барон слушал очень внимательно. В конце речи Энтони он несколько раз кивнул:

– Понятно. Ваша честь англичанина.

– Что ж, сами мы называем это несколько иначе, – сказал Энтони. – Но позволю себе заметить, что, выражаясь по-разному, мы оба имеем в виду одно и то же.

Барон встал.

– Я очень уважаю англичанина честь, – заявил он. – Сделаем еще одну попытку. Всего доброго.

Он щелкнул каблуками, поклонился и вышел из комнаты, по-прежнему держась безупречно прямо.

– Хотел бы я знать, что он имел в виду, – задумчиво произнес Энтони. – Была ли это угроза? Нельзя сказать, чтобы я несколько не боялся старого Лоллипопа. Кстати, хорошее имя для него. Я буду называть его бароном Лоллипопом.

Раз-другой он в нерешительности прошелся по комнате. До встречи, на которой ему надлежало передать рукопись, оставалось чуть более недели. Сегодня пятое октября. Энтони собирался вручить ее издателям в последний момент. Честно говоря, ему теперь просто не терпелось прочесть рукопись. Он намеревался сделать это на судне, но слег с лихорадкой и был не в настроении расшифровывать неразборчивый почерк: мемуары написаны от руки. Сейчас же он, как никогда, преисполнился решимости узнать, из-за чего же разгорелся сыр-бор.

Было у него и другое дело.

Повинуясь порыву, он взял телефонную книгу и отыскал фамилию Ревел. Обладателей этой фамилии оказалось шестеро: Эдвард Генри Ревел, хирург, Харли-стрит; Джеймс Ревел и компания, шорники; Леннокс Ревел из особняков Эбботбери, Хэмпстед; мисс Мэри Ревел из Илинга; почтенная миссис Тимоти Ревел с Понт-стрит, 487; и миссис Уиллис Ревел с Кадоган-сквер, 42. Он исключил шорников и мисс Мэри Ревел, и у него осталось четыре имени. Да и с чего он решил, что леди живет в Лондоне? Коротко покачав головой, он захлопнул книгу.

– Придется предоставить все на волю случая, – решил он. – Потом что-нибудь прояснится.

Вероятно, таким, как Энтони Кейд, везет отчасти потому, что они верят в свою удачу. Энтони нашел, что искал, примерно полчаса спустя, когда перелистывал иллюстрированный журнал. Это была выставка картин, организованная герцогиней Перт. Под центральным изображением – яркая женщина в восточном костюме – он прочел подпись:

«Почтенная миссис Тимоти Ревел в роли Клеопатры. До замужества миссис Ревел была почтенной Вирджинией Котон, дочерью лорда Эджбастона».

Энтони некоторое время смотрел на портрет, медленно покусывая губы, словно сдерживая свист. Потом он вырвал целую страницу, сложил ее и положил себе в карман. Снова поднявшись к себе, он открыл чемодан, вынул оттуда связку писем и засунул сложенную страницу под тесемку, которой пачка была перевязана.

Внезапно услышав у себя за спиной какой-то звук, он резко обернулся. В дверях стоял мужчина, из тех, которые, как представлял Энтони, существуют только в комических операх. Зловещая фигура с лохматой головой и толстыми губами, скривившимися в недоброй улыбке.

– Какого черта вы тут делаете? – спросил Энтони. – И кто вас впустил?

– Я прохожу туда, куда хочу, – ответил незнакомец гортанным голосом с иностранным акцентом, хотя его английский звучал отлично.

«Еще один иностранец», – подумал Энтони.

– Убирайтесь отсюда, слышите?

Незнакомец устоял на связку писем, которую Энтони тотчас же схватил.

– Я уйду, когда вы отдадите мне то, за чем я пришел.

– И за чем же вы пришли, позвольте спросить?

Незнакомец сделал шаг вперед.

– За мемуарами графа Стилпича, – прошептал он.

– Я просто не могу принимать ваши слова всерьез, – сказал Энтони. – Вы похожи на негодяя из какой-то пьесы. Мне очень нравится ваш костюм. Кто вас сюда прислал? Барон Лоллипоп?

– Барон?.. – Далее последовал ряд резко выговариваемых согласных.

– Значит, вы так это произносите, да? Что-то среднее между бульканьем и собачьим лаем. Не думаю, что смогу сам это воспроизвести, так уж устроено мое горло. Мне придется по-прежнему называть его Лоллипопом. Так это он вас прислал?

Опереточный злодей решительно возразил и в подтверждение своих слов несколько раз яростно плюнул. Затем он вынул из кармана листок бумаги и швырнул его на стол.

– Смотри, – приказал он. – Смотри и дрожи, проклятый англичанин.

Энтони охотно посмотрел на листок, а вот вторую часть указания выполнить не потрудился. На листке красным цветом была грубо нарисована человеческая рука.

– Похоже на руку, – заметил он. – Однако я готов согласиться, что это кубистское изображение солнца на Северном полюсе.

– Это знак Братства Красной Руки. Я член Братства Красной Руки.

– Что вы говорите? – спросил Энтони, с большим интересом глядя на лохматого. – А остальные похожи на вас? Я не знаю, что бы сказало по этому поводу еврическое общество.

– Пес! – сердито проворчал незнакомец. – Хуже пса. Платный раб пришедшей в упадок монархии. Отдайте мне мемуары, и вы будете невредимы. Таково милосердие Братства.

– Уверен, это очень любезно с его стороны, – сказал Энтони, – но, боюсь, и вы, и оно пребываете в неведении. Мне указано доставить эту рукопись не в ваше милое общество, а в одно издательство.

Незнакомец засмеялся:

– Неужели вы думаете, что вам позволят дойти до офиса живым? Хватит болтать. Отдайте бумаги, или я стреляю.

Он выхватил из кармана револьвер и прицелился в собеседника.

Но он недооценил Энтони Кейда. Он не привык иметь дело с людьми, действующими столь же быстро, как и думают, – или даже быстрее. Энтони не ждал, пока в него выстрелят. Как только незнакомец вынул револьвер, Энтони бросился вперед и выбил оружие у него из руки. От сильного удара тот развернулся спиной к нападавшему.

Шанс был слишком хорош, чтобы его упустить. От мощного, хорошо рассчитанного пинка незнакомец вылетел за порог и растянулся на полу.

Энтони вышел вслед за ним, но доблестный член Братства Красной Руки уже свое получил. Он с трудом поднялся и поплелся по коридору. Энтони не бросился за ним, а вернулся к себе в комнату.

«Вот вам и Братство Красной Руки, – размышлял он. – Выглядят живописно, а от малейшего прикосновения рассыпаются в прах. Интересно, как этот тип сюда проник? Одно ясно – задание не так просто, как я думал. Я уже поссорился как с лоялистской, так и с радикальной партиями. Вскоре, полагаю, ко мне заявятся делегации от националистов и независимых либералов. Решено. Сегодня вечером я возьмусь за эту рукопись».

Посмотрев на часы, Энтони удивился – уже почти девять, и решил пообедать в номере. Неожиданных визитов, он надеялся, сегодня больше не будет, но чувствовал, что надо быть настороже. Ему вовсе не хотелось, чтобы кто-то рылся в его вещах, пока он будет внизу, в ресторане. Он позвонил, попросил меню, выбрал пару блюд и заказал бутылку «Шамбертена». Официант принял заказ и удалился.

Ожидая, пока ему принесут еду, он вынул рукопись и положил на стол рядом с письмами.

В дверь постучали, и официант вкатил столик с едой. Энтони в это время находился у камина. Стоя спиной к двери, он оказался лицом к зеркалу и, мельком глянув в него, заметил нечто любопытное.

Официант неотрывно смотрел на рукопись. Косо поглядывая на неподвижную спину Энтони, он медленно двигался вокруг стола. У него дрожали руки, и он нервно облизывал сухие губы. Энтони более внимательно всмотрелся в него. Высокий, гибкий, как все официанты, с гладко выбритым, подвижным лицом. «Итальянец, – подумал Энтони, – не француз».

В критический момент Энтони резко развернулся. Официант слегка вздрогнул, но сделал вид, что поправляет солонку.

– Как вас зовут? – спросил вдруг Энтони.

– Джузеппе, мсье.

– Итальянец?

– Да, мсье.

Энтони заговорил с ним по-итальянски, и тот отвечал достаточно бегло. В конце концов Энтони отпустил его кивком, но, даже поглощая превосходную еду, которую принес Джузеппе, не переставал обдумывать происшедшее.

Может быть, он ошибся и интерес Джузеппе к рукописи лишь обычное любопытство? Может быть, и так, но, вспомнив лихорадочное возбуждение официанта, Энтони укрепился в своем подозрении.

«А к черту все, – подумал Энтони, – не могут же все встречные-поперечные охотиться за этой проклятой рукописью. Вероятно, мне почудилось».

Пообедав, он погрузился в чтение мемуаров. Из-за неразборчивого почерка покойного графа дело шло медленно. Энтони позевывал с подозрительной частотой. Дочитав до четвертой главы, он остановился.

Пока что он находил мемуары нестерпимо скучными и не обнаружил в них ни малейшего намека на скандал.

Энтони взял письма, завернул их в бумагу, которой была обернута рукопись, и спрятал в чемодан. Затем он запер дверь и в качестве дополнительной предосторожности придвинул к ней стул и поставил на него графин с водой.

Гордясь своей предусмотрительностью, он разделся и лег в постель. Еще раз взглянул на мемуары, но, почувствовав, что веки у него слипаются, положил рукопись под подушку, выключил свет и почти мгновенно заснул.

Часа через четыре Энтони внезапно проснулся. Он не понял, что его разбудило, может быть, звук, а может быть, сознание опасности, сильно развитое у любителей приключений.

Сначала он лежал тихо, пытаясь сосредоточиться на своих ощущениях. До него донеслось робкое шуршание, а затем он увидел темную фигуру где-то между собой и окном – на полу, возле чемодана.

Энтони резко соскочил с постели и включил свет. Человек, стоявший на коленях перед чемоданом, метнулся в сторону.

Это был официант Джузеппе. В его правой руке сверкнул длинный тонкий нож. Он бросился прямо на Энтони, который уже полностью осознал опасность. Энтони был безоружен, а Джузеппе заблаговременно позаботился об оружии.

Энтони отскочил в сторону, и Джузеппе промахнулся. В следующую минуту оба, сплетаясь в крепких объятиях, катались по полу. Энтони сосредоточил все свои силы на том, чтобы крепко держать правую руку Джузеппе и не дать ему возможности воспользоваться стилетом. Он медленно отклонял оружие и в то же время чувствовал, как другой рукой итальянец схватил его за горло, но, даже задыхаясь, не ослаблял своих отчаянных усилий.

Нож с резким звоном упал на пол. В то же мгновение итальянец резким рывком освободился от захвата. Энтони тоже вскочил, но совершил ошибку, бросившись к двери и преградив противнику путь к отступлению. Он слишком поздно увидел, что стул и графин с водой находятся там же, где он их оставил.

Джузеппе проник через окно и сейчас воспользовался им снова. Когда Энтони отпрыгнул к двери, он выскочил в окно, перелез на соседний балкон и исчез в смежном номере.

Энтони прекрасно понимал, что преследовать его бесполезно. Путь отступления у итальянца был предельно надежный. Энтони бы просто создал себе дополнительные проблемы.

Он подошел к постели, засунул руку под подушку и достал мемуары. По счастью, они лежали там, а не в чемодане. Подойдя к чемодану, он заглянул внутрь, намереваясь извлечь письма.

Тут он тихо выругался.

Письма исчезли!

Глава 6

Тонкое искусство шантажа

Ровно без пяти четыре Вирджиния Ревел, движимая здоровым любопытством, вернулась в свой дом на Понт-стрит. Открыв дверь, она вошла в холл и тут же столкнулась с бесстрастным Чилверсом.

– Простите, мадам, но... к вам один субъект...

Сначала Вирджиния не обратила внимания на существительное, которое употребил Чилверс.

– Мистер Ломакс? Где он? В гостиной?

– О нет, мадам, не мистер Ломакс. – В голосе Чилверса прозвучал легкий упрек. – Мужчина – я не хотел его впускать, но он уверял, что у него чрезвычайно важное дело, насколько я понял, связанное с капитаном. Поэтому я подумал, что вы, может быть, захотите его увидеть, и впустил его. Он в кабинете.

Вирджиния с минуту подумала. Она уже несколько лет была вдовой, и то, что она редко говорила о покойном муже, некоторые понимали так, будто за ее беззаботным поведением скрывается незаживающая рана. Другие истолковывали это в прямо противоположном смысле: Вирджиния, мол, на самом деле не любила Тима Ревела и сейчас считает лицемерием выказывать горе, которого никогда не испытывала.

– Я забыл упомянуть, мадам, – продолжил Чилверс, – что этот человек, по-моему, иностранец.

Вирджиния оживилась. Ее муж находился на дипломатической службе, и они вместе были в Герцогстве незадолго до сенсационного убийства короля и королевы. Вероятно, это герцогство, какой-нибудь старый слуга, для которого наступили черные дни.

– Вы правильно поступили, Чилверс, – одобрительно кивнула она. – Куда вы его проводили, в кабинет?

Легкой, изящной походкой она прошла по коридору и открыла дверь в небольшую комнату, примыкающую к столовой.

Посетитель сидел в кресле у камина. При ее появлении он встал и пристально уставился на нее. Обладая блестящей зрительной памятью, Вирджиния была уверена, что никогда раньше не видела этого человека. Высокий, смуглый, худощавый, явно иностранец, но на славянина не похож. Скорее итальянец или испанец.

– Вы хотели видеть меня? – спросила она. – Я миссис Ревел.

Минуту-другую незнакомец молчал, медленно и оценивающе разглядывая ее. Вирджиния сразу же почувствовала в нем завуалированную дерзость.

– Какое же дело привело вас ко мне? – несколько нетерпеливо спросила она.

– Вы миссис Ревел? Миссис Тимоти Ревел?

– Да. Я только что представилась вам.

– Конечно. Хорошо, что вы согласились принять меня, миссис Ревел. Иначе, как я уже сказал вашему дворецкому, мне пришлось бы иметь дело с вашим мужем.

Вирджиния изумленно взглянула на него, но что-то удержало ее от резкого ответа, готового сорваться с языка. Она ограничилась лишь сухим замечанием:

– Вам было бы весьма сложно это сделать.

– Не думаю. Я очень настойчив. Но перейду к делу. Вам это знакомо?

В руке он держал какой-то цветной листок. Вирджиния без особого интереса взглянула на него.

– Вы узнаете, что это такое, мадам?

– Кажется, письмо, – ответила Вирджиния, приходя к выводу, что перед ней психически неуравновешенный человек.

– Вы, вероятно, заметили, кому оно адресовано? – многозначительно спросил посетитель, протягивая ей письмо.

– Я умею читать, – любезно сообщила она. – Оно адресовано капитану О’Нилу, живущему в Париже на рю де Кенель, 15.

Незнакомец, казалось, что-то искал в ее лице, но не находил.

– Не угодно ли прочесть?

Вирджиния взяла у него конверт, вынула письмо, проглядела его, но тотчас же брезгливо протянула обратно.

– Это личное письмо... Оно не предназначено для моих глаз.

Гость сардонически расхохотался:

– Поздравляю, миссис Ревел! Вы великолепная актриса! Однако, по-моему, подпись вы не сможете отрицать!

– Подпись?

Вирджиния перевернула листок и застыла, пораженная. Письмо, написанное тонким, наклонным почерком, было подписано Вирджинией Ревел. Чуть не вскрикнув от изумления, она вернулась к началу письма и медленно прочла его. Потом она некоторое время стояла, раздумывая. По содержанию письма стало ясно, что за черный умысел привел к ней незнакомца.

– Ну что, мадам? – спросил посетитель. – Это же ваше имя?

– Да, конечно, – согласилась Вирджиния, – это мое имя.

«Но не мой почерк», – могла бы добавить она.

И тут она одарила посетителя ослепительной улыбкой.

– Давайте сядем и все обговорим! – любезно предложила она.

Ее поведение озадачило визитера. Такого он не ожидал. Он почувствовал, что дама совсем не боится его.

– Во-первых, мне хотелось бы знать, как вы меня нашли?

– Это было несложно!

Он вынул из кармана листок, вырванный из иллюстрированного журнала, и протянул ей. Энтони Кейд узнал бы его.

Она вернула ему листок, задумчиво нахмурившись.

– Понятно, – сказала она. – Это и впрямь несложно.

– Вы, конечно, понимаете, миссис Ревел, что это не единственное письмо. Есть и другие.

– Господи, – сказала она, – я, кажется, была ужасно неосторожна.

Она снова увидела, что он озадачен ее легкомысленным тоном. Теперь она была полностью довольна собой.

– Во всяком случае, – сказала она, любезно улыбаясь ему, – очень мило с вашей стороны вернуть их мне.

Возникла пауза, и он прочистил горло.

– Я беден, миссис Ревел, – многозначительно сказал он.

– Тогда, насколько я слышала, вам, несомненно, будет легче войти в царство небесное.

– Я не могу позволить себе отдать вам эти письма просто так.

– По-моему, вы чего-то не понимаете. Эти письма принадлежат тому, кто их написал.

– По закону, может быть, и так, мадам, но в этой стране есть поговорка: «Владение имуществом почти равносильно праву на него». Да и вообще, вы готовы обратиться за помощью к закону?

– Закон суров по отношению к шантажистам, – напомнила ему Вирджиния.

– Что вы, миссис Ревел, я не так глуп. Я прочел эти письма – письма женщины к своему любовнику, в каждом из которых чувствуется страх, что их отношения станут известны ее мужу. Вы хотите, чтобы я передал их вашему мужу?

– Вы не предусмотрели только одно обстоятельство. Эти письма были написаны несколько лет назад. Дело в том, что за это время я овдовела.

Он равнодушно пожал плечами:

– В таком случае... если вам нечего бояться... вы бы не стали обсуждать со мной условия.

Вирджиния улыбнулась.

– Какова ваша цена? – деловым тоном спросила она.

– За тысячу фунтов я отдам вам всю пачку. Я прошу очень мало; но, видите ли, я не деловой человек.

– У меня и в мыслях нет платить вам тысячу фунтов, – решительно ответила Вирджиния.

– Мадам, я никогда не торгуюсь. Тысяча фунтов, и я отдаю вам письма.

Вирджиния помолчала.

– Вы должны дать мне немного времени на раздумье. Мне будет нелегко раздобыть такую сумму.

– Несколько фунтов – скажем, пятьдесят – в счет причитающейся суммы, и я зайду снова.

Вирджиния посмотрела на часы. Было пять минут пятого, и ей показалось, что она услышала звонок.

– Хорошо, – поспешно заговорила она. – Приходите завтра, но попозже. Часов в шесть.

Она подошла к письменному столу, открыла ящик и вынула оттуда неаккуратную пачку банкнотов.

– Здесь примерно сорок фунтов. Это должно вас устроить.

Он жадно схватил деньги.

– А теперь, пожалуйста, уходите, – попросила Вирджиния.

Он покорно покинул комнату. В открытую дверь Вирджиния увидела Джорджа Ломакса, которого Чилверс только что впустил в холл. Когда передняя дверь закрылась, Вирджиния позвала его:

– Проходите, Джордж! Чилверс, принесите нам, пожалуйста, чаю.

Она распахнула оба окна, и Джордж Ломакс, войдя в комнату, увидел ее стоящей у окна с блестящими глазами и развевающимися волосами.

– Сейчас я их закрою, Джордж, но комнату просто необходимо проветрить. Вы не столкнулись в холле с шантажистом?

– С кем?

– Шантажистом, Джордж. Шан-та-жис-том... Человеком, который шантажирует.

– Вирджиния, дорогая, вы серьезно?

– Серьезно, Джордж.

– Но кого он приходил шантажировать?

– Меня, Джордж!

– Вирджиния, дорогая, что же вы натворили?

– Если уж на то пошло, я ничего не натворила. Сей джентльмен принял меня за другую.

– Вы, полагаю, позвонили в полицию?

– Нет. А вы считаете, что мне следовало это сделать?

Джордж нерешительно потоптался.

– Нет, нет, вероятно, нет! Пожалуй, вы поступили мудро. Дело могло бы получить нежелательную огласку. Может быть, вам даже пришлось бы давать показания.

– Мне бы этого хотелось, – озорно улыбнулась Вирджиния. – Мне бы хотелось, чтобы меня вызвали в суд: я бы сама увидела, действительно ли судьи отпускают непристойные шутки, о которых мы читаем. Это было бы очень интересно. Однажды я была на Вайн-стрит, искала потерянную брошь, и там был замечательный инспектор – самый славный человек, которого я когда-либо встречала.

Джордж, по своему обыкновению, пропустил все не относящееся к делу.

– Как вы поступили с этим негодяем?

– Боюсь, Джордж, я ему позволила!

– Что?

– Шантажировать меня!

На лице Джорджа отразился такой ужас, что Вирджиния невольно прикусила нижнюю губу.

– Вы хотите сказать – я правильно понимаю? – вы не объяснили, что он обратился не по адресу?

– Нет, – подтвердила Вирджиния, искоса взглянув на него.

– Господи, Вирджиния, вы, наверное, сошли с ума!

– Я так и думала, что вы меня осудите.

– Но почему? Ради бога, почему?

– По нескольким причинам. Во-первых, он так красиво это делал, я имею в виду – шантажировал меня! Ненавижу прерывать артиста, когда он хорошо выполняет свою работу. А во-вторых, видите ли, меня никогда не шантажировали!

– Надеюсь.

– И я хотела узнать, что это такое.

– Отказываюсь вас понимать, Вирджиния!

– Я знала, что вы не поймете.

– Надеюсь, вы не дали ему денег?

– Совсем немного, – виновато призналась Вирджиния.

– Сколько?

– Сорок фунтов.

– Вирджиния!

– Джордж, дорогой, столько я плачу за вечернее платье. А купить новое впечатление так же интересно, как заказать новое платье. Даже интереснее.

Джордж Ломак гневно замотал головой, и лишь появление Чилверса, который принес чай, помешало ему выразить свои оскорбленные чувства. Вирджиния, ловко управляясь с тяжелым серебряным чайником, продолжила разговор:

– Есть еще один мотив, Джордж, – гораздо более значительный. Говорят, мы, женщины, язвы, но сегодня я сделала доброе дело другой женщине. Вряд ли этот человек догадается искать другую Вирджинию Ревел. Он думает, что набросил сеть на птичку. Бедняжка, она, наверное, писала эти письма в ужасном страхе. Уж мистер Шантажист там бы поживился. А теперь, хотя он этого не знает, перед ним стоит трудная задача. Пользуясь таким преимуществом, как моя безупречная жизнь, я буду играть с ним, как говорится в книгах, до его полного уничтожения. Коварство, Джордж, бездна коварства!

Джордж продолжал удрученно качать головой.

– Мне это не нравится, – твердил он. – Мне это не нравится.

– Ладно, Джордж, дорогой. Вы же пришли сюда не для того, чтобы говорить о шантажистах. Кстати, зачем вы пришли? Правильный ответ: «Чтобы увидеть вас!» Сделайте акцент на слове «вас» и многозначительно сожмите мою руку, если вы случайно не ели перед этим густо намазанную маслом булочку, а если ели, то сверкните глазами!

– Я пришел увидеться с вами, – серьезно ответил Джордж. – И я рад застать вас одну.

– «Ах, Джордж, это так неожиданно, – сказала она, поглощая смородину», – рассмеялась Вирджиния.

– Я хотел просить вас об одном одолжении. Я всегда считал вас, Вирджиния, очаровательной женщиной.

– Ах, Джордж!

– И умной женщиной!

– Да что вы? Как же хорошо вы меня знаете!

– Дорогая Вирджиния, завтра в Англию приезжает молодой человек. Я хотел бы, чтобы вы его встретили.

– Хорошо, Джордж, но при чем здесь я? Говорите яснее!

– Я уверен, вы могли бы, при желании, пустить в ход все ваше огромное обаяние.

Вирджиния слегка наклонила голову набок.

– Милый Джордж, обаяние не профессия, да будет вам известно. Когда мне человек нравится, я ему нравлюсь тоже. Но я не думаю, что мне удастся хладнокровно очаровать беспомощного незнакомца. Не пойдет, Джордж, не пойдет. Есть профессиональные сирены, которые сделают это гораздо лучше, чем я.

– Об этом не может быть и речи, Вирджиния. Этот молодой человек – кстати, он канадец, по фамилии Макграт...

– Канадец шотландского происхождения, – мгновенно сообразила она, проявив склонность к дедукции.

– Вероятно, не привыкший к английскому высшему обществу. Я бы хотел, чтобы он оценил шарм и изящество настоящей английской леди.

– Это вы обо мне?

– Именно.

– Почему?

– Простите?

– Я спрашиваю, почему? Вы же не просите других настоящих английских леди встречать каждого странствующего канадца, ступающего на наши берега. В чем заключается ваша великая идея, Джордж? Грубо говоря, зачем вам это нужно?

– Это не имеет никакого отношения лично к вам, Вирджиния!

– Я не могу ехать на встречу и очаровывать, пока не узнаю зачем и почему!

– Вы совершенно непредсказуемое существо, Вирджиния! Можно подумать...

– Ах, можно? Давайте, Джордж, выкладывайте все, что знаете!

– Дорогая Вирджиния, похоже, в одной из стран Центральной Европы сложилось несколько напряженное положение. По причинам, которые нас не касаются, важно, чтобы мистер... э... Макграт понял, что реставрация монархии в Герцословакии необходима для сохранения мира в Европе.

– Насчет мира в Европе все вздор! – спокойно возразила Вирджиния. – А впрочем, я всегда была за монархию, особенно для такого колоритного народа, как герцословаки. Значит, у вас есть кандидатура короля для Герцословакии? Кто же это?

Джордж не хотел откровенничать, но не видел способа уклониться от ответа. Разговор пошел совсем не так, как планировал он. Ему казалось, что Вирджиния, как послушное орудие, с благодарностью примет его предложение и не станет задавать никаких вопросов. Не тут-то было! Она хотела знать все, и Джордж, не верящий в сдержанность женщин, сейчас старался не наговорить лишнего. Он совершил ошибку! Вирджиния не годилась для этой роли! Она могла создать серьезные проблемы. Да и ее рассказ о разговоре с шантажистом внушил ему серьезные опасения. Она – чудесное независимое создание, не принимающее, увы, всерьез даже архисерьезные вещи!

– Принц Михаил Оболович, – ответил он, видя, что Вирджиния с нетерпением ждет ответа. – Только, пожалуйста, не распространяйтесь об этом!

– Не глумитесь, Джордж! Газеты полны намеков, и династия Оболовичей превозносится до небес! Об убитом Николае Четвертом говорят так, словно он был чем-то средним между святым и героем, а не глупым, маленьким человеком, потерявшим голову при виде прелестей третьеразрядной актрисы!

Джордж заморгал. Теперь он был еще более убежден, что совершил ошибку, обратившись за помощью к Вирджинии. Надо срочно идти на попятную.

– Вы правы, милая Вирджиния, – быстро согласился он, вставая и собираясь поспешно ретироваться. – Мне не следовало обращаться к вам. Но в герцословацком кризисе мы бы не хотели оказаться в конфронтации с доминионами, а Макграт, кажется, имеет влияние в журналистских кругах. Я полагал, что будет лучше всего, если именно вы его встретите. Ведь вы ярая монархистка и великолепно знаете эту страну.

– Дело только в этом?

– Да, но смею заметить, вам совершенно не обязательно очаровывать его!

С секунду посмотрев на него, Вирджиния рассмеялась:

– Джордж, вы неисправимый лжец!

– Вирджиния!

– Неисправимый, совершенно неисправимый! Будь у меня ваш опыт, я бы справилась с таким делом так, чтобы мне поверили! Но я и сама все об этом выясню, бедный Джордж! Не беспокойтесь! Тайна мистера Макграта! Я не удивлюсь, если в этот уик-энд в Чимнизе мне удастся кое-что разузнать!

– В Чимнизе? Вы едете в Чимниз?

Джордж не смог скрыть своей досады. Он еще надеялся успеть к лорду Катерхэму и попросить его отозвать приглашение Вирджинии.

– Сегодня утром позвонила Бандл и пригласила меня.

Джордж предпринял последнюю попытку.

– Полагаю, прием будет довольно скучный, – сказал он. – Вряд ли вам там понравится, Вирджиния.

– Бедный мой Джордж, почему вы не расскажете мне правду и не доверитесь мне? Еще не поздно.

Джордж взял ее руку и снова уронил.

– Я рассказал вам правду, – холодно изрек он, не покраснев.

– Вот так-то лучше, – похвалила Вирджиния. – Но еще недостаточно хорошо. Приободритесь, Джордж, я поеду в Чимниз и буду расточать свое неповторимое обаяние, как вы и просите. Жизнь стала гораздо веселее. Сначала шантажист, потом Джордж с дипломатическим заданием. Расскажет ли он все красивой женщине, так искренне просящей его довериться ей? Нет, он ничего ей не расскажет, будет держаться до последнего. Прощайте, Джордж! Ну, хоть один нежный взгляд на прощание? Нет? Ах, Джордж, дорогой, не сердитесь!

Как только Джордж вышел тяжелой походкой, Вирджиния бросилась к телефону.

Она набрала номер и попросила леди Эйлин Брент:

– Это вы, Бандл? Завтра я еду в Чимниз. Что? Скучно? Нет, не скучно. Бандл, вы же знаете, я боюсь только диких лошадей! До скорого!

Глава 7

Макграт не принимает приглашения

Письма исчезли!

Когда ты поставлен перед фактом исчезновения, ничего не остается, как только принять его. Энтони прекрасно понимал, что бессмысленно гнаться за Джузеппе по коридорам отеля «Блиц». Это бы означало нежелательную огласку, и, по всей вероятности, своей цели он все равно бы не добился.

Подумав, он решил, что Джузеппе ошибочно принял пачку писем, завернутую в обертку от мемуаров, за сами мемуары. Поэтому, когда обнаружит ошибку, возможно, примет еще одну попытку завладеть мемуарами. Энтони решил тщательно подготовиться к этой попытке.

В его голове созрел еще один план: осторожно сообщить в газеты просьбу о возвращении писем. Если Джузеппе – шпион Братства Красной Руки или, что Энтони казалось более вероятным, его использует монархическая партия, письма, вероятно, не представляют интереса для тех, кому он служит, и тогда появится шанс выкупить их за небольшую плату.

Энтони вернулся в постель и мирно проспал до утра. Он был уверен, что Джузеппе в эту ночь больше не посетит его номер.

Энтони встал, хорошо позавтракал, проглядел газеты, шумевшие об открытии нефти в Герцословакии, и попросил встречи с управляющим.

Управляющий, француз с изысканно-учтивыми манерами, принял его в своем кабинете.

– Вы, насколько я понимаю, хотели видеть меня, мистер... э... Макграт?

– Да. Я поселился в вашем отеле вчера во второй половине дня, и обед мне принес в номер официант по имени Джузеппе.

Он замолчал.

– Смею сказать, что у нас есть официант с таким именем, – равнодушно согласился управляющий.

– Меня поразили несколько необычные манеры этого человека, но сначала я не придал этому особого значения. Позже, ночью, я проснулся от какого-то копошения в номере. Включив свет, я увидел, что этот самый Джузеппе роется в моем чемодане.

От равнодушия на лице управляющего не осталось и следа.

– Но я ничего об этом не слышал! Почему вы раньше не сказали мне? – воскликнул он.

– У нас с ним произошла короткая стычка, кстати, у него был нож. В конце концов ему удалось улизнуть через окно.

– Что вы сделали потом, мистер Макграт?

– Проверил содержимое моего чемодана.

– Что-нибудь пропало?

– Ничего... существенного, – медленно ответил Энтони.

Управляющий с облегчением откинулся назад.

– Я рад. Но позвольте заметить, мистер Макграт, что мне не совсем понятно ваше поведение! Почему вы не подняли тревогу? Почему не бросились за воров?

Энтони пожал плечами:

– Я же сказал, ничего важного не исчезло. Конечно, я понимаю: строго говоря, мне следовало вызвать полицию...

Управляющий отозвался без особого энтузиазма:

– Полицию... Конечно...

– Во всяком случае, я был совершенно уверен, что этому человеку все равно удастся убежать, так зачем тревожить полицию?

Управляющий чуть заметно улыбнулся:

– Вижу, мистер Макграт, вы понимаете, что я вовсе не горю желанием связываться с полицией. С моей точки зрения, это всегда неприятно. Если в прессе появится информация о краже в таком фешенебельном отеле, как наш... А газетчики всегда раздуют дело, как бы незначительным ни был украденный предмет.

– Конечно, – согласился Энтони. – Я ведь сказал, что ничего существенного не пропало, и в некотором смысле это правда. Но вор все же стащил кое-что очень ценное для меня!

– Вот как?

– Личные письма, понимаете ли.

На лице управляющего появилось выражение крайнего сострадания, на которое способны только французы.

– Понимаю, – пробормотал он. – В полицию, естественно, обращаться не следует.

– Полностью с вами согласен. Но вы же понимаете, я должен получить эти письма обратно. Там, откуда я приехал, люди привыкли сами решать свои проблемы. Поэтому я прошу вас рассказать мне все, что вы знаете об этом официанте Джузеппе.

– Не возражаю, – ответил управляющий после короткой паузы. – Я не могу дать вам всю информацию сразу. Но могли бы вы зайти через полчаса?

– Благодарю вас. Это меня вполне устраивает.

Когда через полчаса Энтони вернулся в кабинет, управляющий протянул ему листок с информацией о Джузеппе Манелли.

– Он появился у нас месяца три назад. Искусный, опытный официант. Нас он полностью удовлетворяет. В Англии живет лет пять.

Они вместе пробежали список отелей и ресторанов, в которых работал итальянец. Один факт поразил Энтони. В двух отелях именно в то время, когда там работал Джузеппе, произошли дерзкие ограбления, хотя в обоих случаях он остался вне подозрений. Но эти совпадения настораживали.

Неужели Джузеппе обычный гостиничный вор и поиски в чемодане Энтони лишь часть его профессионального занятия? Может быть, когда Энтони включил свет, связка писем была у него в руках и он машинально сунул ее в карман? В таком случае это обыкновенное ограбление!

Однако против этой версии свидетельствовало возбуждение, с которым Джузеппе накануне вечером разглядывал бумаги, лежавшие на столе. А ведь это были не деньги или ценные предметы, которые привлекли бы внимание обычного вора.

Нет, Энтони был убежден, что Джузеппе работает на кого-то другого. С помощью информации, полученной от управляющего, может быть, удастся что-нибудь узнать о его частной жизни и в конечном счете выследить его. Он взял листок бумаги и встал.

– Благодарю вас. Полагаю, нет необходимости спрашивать, не появился ли в отеле Джузеппе?

Управляющий кивнул:

– Его постель не смята, и вещи остались. Он, наверное, пустился в бега сразу после нападения на вас. Не думаю, что у нас есть шанс снова увидеть его.

– Полагаю, так. Что ж, благодарю еще раз. Я пока останусь здесь.

– Надеюсь, вы успешно выполните вашу задачу, но, признаюсь, я в этом сильно сомневаюсь.

– Я всегда надеюсь на лучшее.

Первым делом Энтони расспросил служащих отеля, друживших с Джузеппе, но узнал очень мало. Потом написал объявление и отослал его в пять наиболее читаемых газет. Он уже

собирался отправиться в отель, где раньше работал Джузеппе, но его остановил телефонный звонок. Энтони взял трубку:

– Алло, слушаю.

Бесстрастный голос спросил:

– Я говорю с мистером Макгратом?

– Да. А с кем говорю я?

– Вас беспокоят из издательства «Болдерсон и Ходжкинс». Минутку, пожалуйста. Я вас соединяю с мистером Болдерсоном.

«Наши почтенные издатели, – подумал Энтони. – Чего это они всполошились? Время еще есть. Еще неделя».

На том конце провода дружелюбно спросили:

– Мистер Макграт?

– Да.

– Это Болдерсон из «Болдерсон и Ходжкинс». Как насчет рукописи, мистер Макграт?

– Все в порядке, – ответил Энтони. – А в чем дело?

– Вот в чем. Как я понимаю, мистер Макграт, вы приехали в эту страну из Южной Африки и не совсем понимаете создавшееся положение. Из-за этой рукописи могут возникнуть неприятности, мистер Макграт, большие неприятности. Иногда мне кажется, нам с ними не справиться.

– В самом деле?

– Уверяю вас. Мне необходимо как можно быстрее получить рукопись и сделать с нее копии. Так мы подстрахуемся, если оригинал будет уничтожен.

– Господи! – воскликнул Энтони.

– Да, вам это, наверное, кажется абсурдным, мистер Макграт. Но уверяю вас, вы недооцениваете ситуацию. Предпринимаются решительные попытки не допустить, чтобы рукопись попала в наш офис. Говорю вам откровенно и без обмана, что, если вы сами попытаетесь отнести ее, десять к одному – вам это не удастся.

– Сомневаюсь, – сказал Энтони. – Если я хочу чего-то добиться, я обычно этого добиваюсь.

– Вы противостоите очень опасным людям, мистер Макграт. Месяц назад я бы никогда в это не поверил. Говорю вам, мистер Макграт, нас подкупают, упрасивают, нам угрожают так, что мы уже перестали понимать, на каком мы свете! Не советую вам самому нести рукопись. Один из наших людей придет к вам в отель и возьмет ее у вас.

– А если бандиты убьют его? – спросил Энтони.

– Тогда ответственность будет лежать на нас, а не на вас. Вы отдадите рукопись нашему представителю и получите расписку. Чек на... э... тысячу фунтов, который мы должны вам вручить, не будет оплачен до следующего вторника. Таковы условия нашего соглашения с адвокатом покойного... э... автора... вы знаете, кого я имею в виду, но, если вы настаиваете, я сам выпишу вам чек на эту сумму и пришлю со своим посыльным.

Энтони размышлял минуту-другую. Он твердо намеревался не передавать мемуары до последнего дня, так как хотел прочесть их и понять, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор. Однако он понимал и силу аргументов издателя.

– Хорошо, – со вздохом произнес он. – Поступайте как знаете. Присылайте вашего человека. И если не возражаете, пришлите мне и чек, потому что я, может быть, покину Англию еще до следующей среды.

– Разумеется, мистер Макграт. Наш представитель придет к вам завтра утром. Разумнее будет не присылать кого-либо прямо из офиса. Наш мистер Холмс живет на юге Лондона. Он зайдет к вам по дороге на работу и возьмет рукопись. Предлагаю вам на ночь поместить

в сейф управляющего фальшивый сверток. Ваши враги узнают об этом и не станут докучать вам этой ночью.

– Прекрасно, я так и поступлю.

Задумчиво повесив трубку, Энтони отправился на поиски новостей о сбежавшем Джузеппе. Однако его и след простыл. Джузеппе работал в этом ресторане, но никто, похоже, ничего не знал о его личной жизни и друзьях.

– Я найду тебя, приятель, – пробормотал Энтони сквозь зубы. – Я найду тебя. Это лишь вопрос времени.

Вторая его ночь в Лондоне прошла мирно.

На следующее утро в девять часов принесли карточку мистера Холмса, а вскоре появился и он сам. Маленький блондин с мягкими манерами. Энтони протянул ему рукопись и получил чек на тысячу фунтов. Мистер Холмс уложил рукопись в маленький коричневый портфель, который принес с собой, пожелал Энтони всего наилучшего и удалился. Все прошло достаточно спокойно.

– А ведь на него могут напасть по дороге, – пробормотал Энтони вслух, отойдя от окна. – Что-то мне тревожно... очень тревожно.

Он положил чек в конверт, написал на нем несколько строк и тщательно запечатал. Джимми, который во время встречи с Энтони в Булавайо был более или менее при деньгах, дал ему взаймы значительную сумму, пока оставшуюся практически нетронутой.

«Одно дело сделано, а другое нет, – сказал Энтони про себя. – До сих пор я действовал неудачно. Но никогда не стоит отчаиваться. Думаю, если я хорошо загримируюсь, мне удастся заглянуть на Понт-стрит, 487».

Он собрал свои вещи, спустился, расплатился по счету и велел отнести багаж в такси. Щедро вознаградив всех, даже тех, кто ничего не сделал для его комфорта, он уже собрался уезжать, как вдруг увидел мальчика, бегущего по лестнице с письмом в руках.

– Это вам, сэр, только что пришло.

Энтони со вздохом достал еще один шиллинг. Такси, взревев, помчалось, и Энтони под противный шум мотора распечатал письмо.

Это было любопытное послание. Энтони пришлось прочесть его четыре раза, прежде чем до него дошел смысл. В письме, написанном особым, туманным слогом, свойственным посланиям правительственных чиновников, говорилось, что мистеру Макграту, прибывшему сегодня, в четверг, в Англию из Южной Африки, предлагается не предпринимать никаких решительных шагов с имеющейся в его распоряжении рукописью графа Стилптика до конфиденциальной беседы с мистером Джорджем Ломаксом и другими заинтересованными влиятельными лицами. В письме также содержалось настоятельное приглашение в Чимниз в качестве гостя лорда Катерхэма на завтра, в пятницу.

Таинственное и весьма загадочное предание. Энтони оно очень понравилось.

– Милая старая Англия, – с нежностью пробормотал он. – Как всегда, отстаёт от времени. Жаль. И все же я не могу ехать в Чимниз под вымышленным именем. Интересно, впрочем, есть ли поблизости какая-нибудь гостиница? Мистер Энтони Кейд вполне может остановиться там незамеченным.

Он высунулся из окошка и дал таксисту новые указания, которые тот, презрительно фыркнув, принял.

Такси подъехало к одному из самых малоизвестных отелей Лондона, и Энтони расплатился с водителем.

Заказав номер на имя Энтони Кейда, Энтони прошел в обшарпанную комнату, вынул фирменный бланк отеля «Блиц» и быстро набросал записку.

Он объяснил, что приехал в прошлый вторник, рукопись передал господам Болдерсону и Ходжкинсу и, к сожалению, должен отклонить приглашение лорда Катерхэма, так как сейчас же покидает Англию. И подписал: *«Искренне ваш Джеймс Макграт»*.

– Теперь, – сказал Энтони, запечатывая конверт, – к делу. Долой Джеймса Макграта, добро пожаловать, Энтони Кейд!

Глава 8 Покойник

В тот же четверг Вирджиния Ревел играла в теннис в Рейнлэхе. На обратном пути на Понт-стрит, откинувшись в роскошном длинном лимузине, она с чуть заметной улыбкой репетировала предстоящий разговор. Возможно, конечно, шантажист больше не появится, но Вирджиния была уверена, что ей еще придется с ним увидеться. Она не проявила тогда достаточной твердости. Что ж, на этот раз его ждет сюрприз!

Когда машина подъехала к дому, она, прежде чем выйти, заговорила с водителем:

– Как ваша жена, Уолтон? Я забыла спросить.

– Кажется, лучше, мадам. Доктор обещал заглянуть в половине седьмого. Вам еще нужна машина?

Вирджиния подумала:

– Я уеду на уик-энд. Отправляюсь в шесть сорок с Паддингтонского вокзала, но вы мне не понадобятся. Доберусь на такси. Вам надо повидаться с доктором. Если он сочтет, что вашей жене лучше отдохнуть на свежем воздухе, увезите ее куда-нибудь, Уолтон. За мой счет.

Нетерпеливо кивнув, Вирджиния прервала бесконечные благодарности шофера, поднялась по лестнице, поискала в сумочке ключ, но, вспомнив, что ключа у нее нет, поспешно позвонила в дверь.

Ей открыли не сразу, а пока она ждала, к ней подошел убого одетый молодой человек с кипой брошюр. Одну из них, под заглавием «Почему я служу своей стране?», он протянул Вирджинии. В левой руке он держал коробочку для денег.

– Я не могу приобрести по две таких жутких книжонки в день, – взмолилась Вирджиния. – Я уже купила сегодня утром, честное слово!

Молодой человек, запрокинув голову, рассмеялся. Вирджиния рассмеялась вместе с ним. Небрежно оглядев его, она решила, что он не похож на обычного лондонского безработного. Ей понравилось его смуглое лицо и стройная, упругая фигура. Она даже пожалела, что у нее нет для него работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.